Радек

РАЗВИТИЕ Мировой РЕВОЛЮЦИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH161
P194

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

К. Радек.

Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата.

(Перевод с немецкого).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА—1920.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

К. Радек.

ЕН 161
Р 194

Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата.

(Перевод с немецкого.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920 г.

1 экз

ЕН161
Р194
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
(№ 19 5443
1920)
9414
5079 с.1
1058980

3-я Государственная типография (бывш. Кушнерева). Пименовская.
Москва.—1920 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Состоявшийся в первых числах марта 1919 года в Москве первый учредительный конгресс коммунистического интернационала формулировал в целом ряде тезисов („Директивы Коммунистического Интернационала", „Буржуазная демократия и Пролетарская Диктатура", „Отношение к Социалистическим течениям и Бернская конференция", „Международное положение и политика Антанты") и в своем манифесте взгляд представителей коммунистических партий на результаты мировой войны и вызванную ею перемену в положении рабочего класса и той политике, которой должен придерживаться международный пролетариат. Учредительный характер конгресса, короткий срок, истекший к моменту его возникновения с начала окончания мировой войны, отсутствие представителей коммунистических партий и групп из стран Антанты, необходимым образом привели к тому, что все решения конгресса носят лишь общий характер. Девять месяцев социальной мировой революции и всемирно политической борьбы, истекших со времени конгресса, ярче выявили контуры мировой революции и тем самым поставили коммунистические партии срединной и западной Европы пред рядом вопросов, ныне ждущих своего разрешения, дабы коммунистические партии тех стран, которых пролетариат еще не победил, помогли ему обрести широкий путь борьбы и сократить время блуждания, хождения ощупью и искания. Ответ на эти вопросы может последовать лишь на основании взаимного обмена опытом, накопленным отдельными коммунистическими партиями в их практической борьбе, при чем выводы из этого опыта должны подвергнуться оценке в рамке развития мировой революции с точки зрения целей,

положенных в основу коммунистического интернационала в Москве. Попытку такой оценки представляют собою следующие статьи, которые предлагаются при этом всем коммунистическим партиям как дискуссионная основа для подготовки II-го конгресса коммунистического интернационала. Так как они написаны в тюрьме, где их автор, отрезанный от своих боевых сотоварищей, мог получить представление о живой картине борьбы лишь на основании прессы (при чем в отношении Америки социалистическая пресса совершенно отсутствовала), то они, конечно, далеки от того, чтобы без пробела объять меняющиеся ситуации, а также ответить без пробела на все вопросы борьбы. Однако, тот факт, что автору было суждено соединить выводы из опыта русской и германской революции, внушает ему надежду что несмотря на сознаваемые им недостатки последующие статьи помогут коммунистическим партиям Запада более ярко выявить и разработать свой собственный революционный опыт.

Автор.

Берлин. В ноябре 1919 г., тюрьма на улице Лертер.

1. Источники дальнейшего развития всемирной революции.

Развитие мирового хозяйства со времени учредительного съезда Коммунистического Интернационала показало, что буржуазия не в состоянии преодолеть того анархического состояния производства, которое привело к мировой войне, истерзало и разрушило всю систему мирового хозяйства. Когда победители, под маской условий перемирия, грабили побежденных, то это можно еще было рассматривать, как взрыв воинствующей ненависти или как результат милитаристической политики насилия. Но условия мира, продиктованные Германии и Немецкой Австрии в Версале и Сан-Жермене, показали, что усвоенный победившими капиталистическими кликами „план экономического возрождения" заключается именно в ограблении одной части капиталистического мира другою его частью. Побежденные капиталистические страны не только должны нести свои собственные военные издержки, но оплатить восстановление местностей, разрушенных войной, как равно возместить и все вообще военные убытки для того, чтобы избавить народы стран-победительниц от невыносимых тягот войны и удержать их, таким образом, от натиска на твердыни капитализма. Но это означает не что иное, как полный распад мирового капиталистического хозяйства. Мировое хозяйство представляет собою органическое целое, несмотря на то, что взаимная связь отдельных его частей выражалась до тех пор в первую голову через соревнование и борьбу. Страны победоносной буржуазии не смогут перенести свое военное производство на мирное положение в старом и тем менее еще в расширенном масштабе в том случае, если побежденные страны, представлявшие собою не только глав

ных конкурентов, но и главных покупателей, окажутся разрушенными. Перегрузка военных тягот на плечи побежденных стран и прямое или косвенное отчуждение из средств производства прежде всего разрушит их денежную систему в еще большей степени, чем это сделала война с ее ростом задолженности и гигантским увеличением бумажных денег.

Полнейшее обесценение валюты в побежденных странах, с одной стороны, герметически замыкает их от ввоза сырых материалов и продуктов питания, абсолютно необходимых для восстановления их хозяйственной жизни, а с другой стороны, понуждает их к вывозу последних товарных запасов и средств производства. Если побежденные страны выбывают таким образом из строя в качестве конкурентов стран-победительниц после окончательной распродажи всех своих товаров по совершенно невыгодным ценам, то вместе с тем они теряют и свою покупательную способность. Страны-победительницы оказываются обреченными на хозяйственные сношения между собою и с аграрными странами, что неминуемо должно приостановить их хозяйственное развитие, повысить безработицу и таким образом ускорить крушение капитализма в странах-победительницах в то время, как в побежденных странах это крушение становится неизбежным фактом ближайшей действительности.

Дальновидные круги торгового и финансового капитала не могут не заметить этого (смотри заявления „New-York City Bank“ в ее отчете от января 1919 г., заявления Виндсклипа („Manchester Guardian“ и „Daily News“). Они вполне последовательно заявляют, что мировую разруху и всемирную революцию только в том случае удастся предупредить, если мир будет рассматриваться, как „целое“, т.-е. если победоносный капитал сам поможет справиться своим побежденным конкурентам для того, чтобы восстановить механизм мирового хозяйства. Однако, эта дальновидная политика оказалась утопией. Хотя она и представляет собою единственный якорь спасения для капиталистического порядка, но вместе с тем она предъявляет большие требования к победоносным капиталистическим кликам. В виду

громадной задолженности, вызванной мировой войной затяжного характера, который они никак не предвидели, этим кликам угрожает необходимость больших затрат капитала, а эта необходимость становится тем ощутительнее, чем ожесточеннее рабочий класс и мелкая буржуазия восстают—даже в странах Антанты—против каждой попытки перевалить на их плечи тяготы военных расходов. Поэтому они конвульсивно и цепко придерживаются политики грабежа побежденных, которая неминуемо должна привести мировой капитализм к катастрофе.

Но еще прежде, чем наступит это крушение всемирного капитализма в результате варварской системы грабежа, ослепленная погоня победоносных капиталистических клик, за наживой последних, в их собственных странах, к социальным столкновениям, которые неминуемо ускорят катастрофу. Вместо того, чтобы немедленно приступить к восстановлению разрушенных очагов производственной деятельности, различные капиталистические клики ожесточенно оспаривают друг у друга право на восстановление Северной Франции, Бельгии, Сербии и на связанную с этим чуждым делом прибыль. Вместо того, чтобы содействовать понижению цен на жизненные припасы и сырье, искусственно взвинченных за время войны, и тем самым облегчить дальнейшее производство и успокоить недовольство народных масс, тресты и картели стремятся не только поддержать эти цены на нынешней высоте, но даже, по возможности, еще больше поднять их, что, разумеется, заставляет и рабочий класс добиваться с помощью стачек повышения заработной платы. А это в свою очередь ведет не только к постоянным перерывам производительной деятельности, к созданию массового тяготения к революции в пролетариате, спаиваемом массовыми стачками, но и к товарному голоду, перебоям транспорта, скоплению товаров в портах и, наконец, еще большему вздорожанию цен. Вместо того, чтобы отметить все более возрастающее даже в таких индивидуалистических странах, как Америка и Англия, нежелание пролетариев работать ради капиталистической погони за наживой, и все более повышающееся стремление к обобществлению производства предоставлением права контроля над

производством, магнаты северо-американских трестов отказываются даже признавать коллективные рабочие договоры, английские угольные бароны отклоняют переход рудников в собственность государства, предложенный парламентской комиссией, а немецкие капиталисты открыли ожесточенный поход против законопроекта о советах в промышленных предприятиях, с помощью которого лакеи капитала из социалистов большинства намеревались предоставить рабочему классу видимость контрольного права для того, чтобы воспрепятствовать установлению революционных советов в предприятиях и проведению фактического контроля. Вместо того, чтобы добровольно пожертвовать частью своих неслыханных военных прибылей для облегчения тягот войны, под которыми народным массам пришлось бы задохнуться, капиталистические классы стараются повсюду улизнуть от всякого обложения и содействуют безграничному росту задолженности, беспрестанно выкачивая из государства деньги. На краю пропасти накануне пролетарской революции победоносный капитал бросает вызов рабочему классу, упираясь в свое право победителя и ничего не желая слышать о социальных реформах, которые могли бы, быть может, дать ему некоторую отсрочку перед казнью.

Но если экономическое положение и хозяйственная политика буржуазии делают революцию неизбежной даже в победивших странах, то мировая политика победоносного капитала Антанты в свою очередь во все большей степени повышает мировые революционные тенденции. Год, протекший после окончания мировой войны, был заполнен организацией малых войн и созданием центров будущих мировых конфликтов. Срединная Европа видит искалеченную Германию, обглоданную Австро-Венгрию, в которых частью по национальным, частью по экономическим мотивам Антантой прямо-таки взращивается семя ирредентизма и воинствующего духа. Польшу подговаривают к аннексии немецкого, украинского, литовского, белорусского населения для того, чтобы, насильственно противопоставив ее Германии и советской России, превратить ее в вооруженного наемника французских шейлоков. Чехо-Славия попадает, благодаря дунайским ворам Антанты, в длительную оппозицию к Немец-

кой Австрии и Венгрии для того, чтобы прежняя Австрийская империя не смогла возродиться. Но вместе с тем Чехо-Славия вступает в конфликт с Польшей из-за Теменского угольного бассейна. На Востоке Антанта с помощью угроз и обещаний держит на своей привязи окраинные государства, отрубленные немецким мечем от тела России без какого бы то ни было опроса их населения, и в то же самое время отказывается официально признать их: отчасти для того, чтобы в случае надобности заставить их откупиться за свою независимость борьбою против советской России, отчасти, чтобы вынудить их за признание их самостоятельности экономической льготы и преимущества или же с головой выдать их белым генералам в случае победы русской контр-революции, в обмен на соответствующие уступки в Азии, на всякого рода хозяйственную поживу. Но на юго-востоке зияет противоречие между итальянским империализмом и Юго-Славией, и Антанта оказывается принужденной безгласно созерцать, как герой ртутных втираний объявляет ей приватную войну, и как Италия конспирирует с Болгарией, национальные потребности последней приносятся в жертву националистическим притязаниям Сербии.

Год спустя турецкий вопрос точно так же далек от разрешения, как он был в течение всего 19 столетия буржуазной политики. В то время, как державы Согласия спорят о том каким образом „освободить" греков, армян, сирийцев и арабов так, чтобы самим освободителям не пришлось вступить в рукопашную, курды преспокойно громят армян, как в лучшие времена Абдул-Гамида, а младотурки, в лице своих вожаков, вздернутые на виселецу,—правда, только in effigie (на портрете),—организуют армию, которая, не обращая ни малейшего внимания на запреты и заклинания Антанты, тем спокойнее может продолжать борьбу за независимость Турции и за право разгрома прежней господствующей расы, что имеет полное основание рассчитывать на поддержку французского и итальянского империализма против английского. Уничтоженное с исчезновением империалистической России равновесие на Дальнем Востоке делает положение на тихоокеанском побережье до такой степени неясным, столь

чреватыми всевозможными неожиданностями, что английское адмиралтейство подготовляет перенесение базы английского флота с Северного моря на Тихий океан (доклад Джелоу), между тем как английская дипломатия подготовляет возобновление англо-японского союза; разногласие между англосаксонцами и их японскими союзниками по поводу заключения сорока миллионов китайских союзников („аренда" Шантуня) еще не устранено. А и в Китае между тем разрастается не только антияпонское движение, о котором с „соболезнованием" сообщает английская пресса, но и движение против всякой чужеземной капиталистической эксплоатации вообще. И оно есть только составная часть того движения, которое охватило весь Восток,—Корею как и Японию, Индию, так и Египет,—и имеет те же самые национальные корни, что движение негров в Американских Соединенных Штатах: пушечная канонада мировой войны разбудила „колониальные" народы в войне великих социальных войн Европы. Они видят опасность, угрожающую их повелителям, и спешат ныне предъявить свои требования, чтобы примкнуть завтра сомкнутым революционным строем к освободительной войне мирового пролетариата. Антанта, излившая народам—вместо казармы от Гамбурга до Багдада—союз на началах свободы и равноправия, победив, вознамерилась образовать союз пяти капиталистических великодержавных государств под эгидой американских королей треста для закабаления всего мира, так называемый союз народов. Однако, и создание такого рода международного кровного, потовыжимательного треста сорвалось. Соучастники этого треста скалят друг на друга зубы, работают друг против друга и даже науськивают друг на друга тех самых борзых, которых они дрессировали только ради охоты за пролетарской дичью. На месте одной единственной эльзас-лотарингской раны зияет добрых два десятка, вокруг каждого национального вопроса разгораются сначала столкновения только непосредственно заинтересованных, которые способны, однако, при обострении бросить друг против друга и всех вообще союзников. Не взирая на союз народов, имеющийся пока только на еще вполне ратифицированной бумаге, тайная дипломатия работает уже над изданием тай-

ных соглашений, и вместо разоружения мы видим, всеобъемлющую программу вооружений. Пример Англии и Американских Соединенных Штатов, в мгновение ока умевших вызвать как бы из-под земли целые армии, точно так же, как и технические перевороты, во время войны, по поводу которых оба руководителя английского флота, лорд Фишер и Перт-Скот сочли возможным заявить о том, что морской флот должен будет уступить место воздушному, повидимому, позволяют даже побежденным государствам иметь сладкую надежду на то, что им удастся принять участие в следующем побоище.

Социальное положение в каждой отдельной стране — у победителей точно так же, как и у побежденных—настолько натянуто, что нет такого правительства, которое могло бы открыто заявить, что дома у него не появляется признак коммунизма. Всемирно-политические противоречия, зияющия и кровоточивые раны на теле человечества, еще более развивают, еще более обостряют социальные противоречия, так как заставляют ныне попрежнему поддерживать расходы на вооружение и угрожают завтра же снова бросить народы на поле битвы,—опасность, значение которой тем более велико, что ни на востоке, ни на юго-востоке Европы пушки еще не перестали грохотать, поля сражений не перестали еще поставлять свежинку ястребам.

Перспектива развивающейся мировой революции, в которую мы еще только вступили, представляет собою основание для тактики коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал опирается не на субъективные желания, а на анализ мирового хозяйства и мирового политического положения и тенденций его развития, когда пишет на своем знамени лозунг мировой революции. Заявление социал-патриотов, что всемирная революция есть только призрак и выдумка,—смотри речь Шейдемана от 9 ноября, — выражает страх этих предателей социализма перед пролетарской революцией, их лихорадочное желание как-нибудь сплотить тающие ряды своих сторонников. Точно также приходится за полной необоснованностью отвергнуть и воззрения представителей одной части так называемого центра Интернационала, которые, подобно Каутскому и

О. Бауэру, объявляют без всякого намека на доказательства революционное движение „пока“ законченным и ожидают нового его оживления только после экономического подъема. Коммунистический Интернационал видит в мировой революции процесс, сопровождающийся приливами и отливами, и у него нет никаких оснований закрывать глаза на факты, чтобы эти последние свидетельствовали о временном перерыве мировой революции. Но дело в том, что подобных фактов не существует. История последнего года мировой революции показывает, что то, что центровики воспринимают, как заключение революции, является в действительности крушением их собственных демократических надежд, разоблачением их самообмана и обмана колеблющихся социалистических элементов.

То, что людям, жестоко разочарованным крушением своих иллюзий, представляется, как прорыв мировой революции, является переходом революции от мелко-буржуазной к пролетарской, к коммунистической фазе.

2. От демократических иллюзий через диктатуру буржуазии к диктатуре пролетариата.

Учение Маркса и Энгельса о государстве, рассматривающее государство, как орудие господства одного класса над другим, представляет собою результат анализа всей истории человечества со времени распадения первобытно-коммунистического общества. Учение о диктатуре пролетариата, т.-е. о необходимости применить все силы государственной власти для преодоления тех препятствий, которые неизбежно вырастают перед пролетариатом, как организованно-господствующим классом, является в свою очередь результатом, с одной стороны, исторического опыта, свидетельствующего о том, что правящие классы никогда и ни при каких условиях не сдают добровольно своих позиций, а с другой, теоретического исследования тенденций развития капиталистического общества, ведущих к беспрерывному углублению классовых противоречий. Парижская коммуна обнаружила те формы диктатуры пролетариата, которые выражаются прежде всего в насильственном разрушении старой государственной ор-

ганизации, в уничтожении деления власти на законодательную и исполнительную. В то время, как в 1781 г. в Париже, благодаря чисто-местному характеру коммуны, мелкобуржуазному составу городского населения, его революционности, бегству контр-революционеров в Версаль, диктатура оказалась возможной через преобразование избранного на основе всеобщего избирательного права коммунистического собрания русская рабочая революция пришла инстинктивно к новой форме диктатуры—к Советам рабочих и беднейшего крестьянства. Вопрос о том, явится ли эта форма подходящей и для революционной диктатуры на Западе, получил разрешение в первые же четыре месяца германской и австровенгерской революции, с которыми приходилось считаться учредительному съезду коммунистического Интернационала. Пролетариат названных стран приступил при первых же раскатах революции к созданию рабочих советов. В течение последующих месяцев, когда рабочие Советы начали терять свой характер органов власти, потому что большинство пролетариата, достигшее власти не в результате борьбы, а вследствие внешних поражений, не сумело удержаться на своих позициях, борьба за власть между пролетариатом и буржуазией протекала в форме борьбы между рабочими Советами и буржуазным парламентаризмом. Борьба эта пока что окончилась в пользу буржуазии и буржуазного парламента частью в открытом вооруженном натиске буржуазии, частью благодаря тому смятению, которое внесли социал-демократические подголоски буржуазии в ряды пролетариата. Буржуазия, вполне правильно учуявшая своим классовым инстинктом значение рабочих Советов, как пролетарских органов борьбы, без которых пролетариату не преодолеть ее сопротивления и не разрушить ее господства, пользуется создавшимся положением для того, чтобы не только лишить рабочие Советы государственного значения, но и вообще взорвать их, несмотря на то, что подобная тактика противоречит тому самому праву коалиций, за которое пролетариат боролся в течение 150 лет и которому буржуазия повсюду вынуждена была дать свое собственное согласие. Разгон берлинского рабочего Совета социал-демократами, преследование, возбужденное Носке против исполкома

Берлинского Совета рабочих и солдатских депутатов, показывает, насколько велики опасения, возбуждаемые в буржуазии самим фактом существования рабочих Советов. Пролетариат в свою очередь не в меньшей степени, чем буржуазия, с каждым днем все нагляднее убеждается в том, что рабочие Советы представляют собою наиболее действительное орудие его борьбы против буржуазии и являются той формой, в которую со временем выльется господство рабочего класса. После предварительной победы буржуазии в Германии идея рабочих Советов стала среди германского пролетариата господствующей идеей, с каждым днем она пускает в нем все более глубокие корни, так что раскол среди рабочего класса происходит под лозунгом: за или против рабочих Советов.

Растущая среди пролетариата разочарованность в буржуазной демократии, повышающаяся настойчивость, с которою, революционный пролетариат начертывает на своем знамени лозунг рабочих Советов, заставляют социал-демократический центр (независимая социал-демократия Германия, социал-демократическая левая в немецкой Австрии, предводительствуемая Фридрихом и Максом Адлером), который в начале видел в рабочих Советах только средство для поддержания порядка во время революционного „хаоса", поближе подойти к советской идее для того, чтобы кастрировать и Съезд н. с.-д., заседавший одновременно с учредительным съездом Коммунистического Интернационала, объявил себя стоящим „на точке зрения советской системы", потребовал законодательного признания советской системы (включения Советской системы в конституцию?), решающего участия советов в законодательстве, государственного и мунипинального управления предприятиями. Ту же самую идею пропагандировали и левые социал-демократы в Немецкой Австрии, при чем они настаивали на предоставлении Центральному Совету, на-ряду с буржуазным парламентаризмом, значения революционной палаты господ с правом законодательной инициативы и вето (запрета) в качестве „неизбежного для переходного времени средства к тому, чтобы предохранить диктатуру пролетариата от терроризма и обеспечить спокойное, избегающее всех бурь гражданской войны раз-

витие (Макс Адлер Демократия и советская система, стр. 32. Вена, лето 1919 г.). Но „бури гражданской войны“ не дали этой идее возможности сделать хотя бы попытку к тому, чтобы перейти с столбцов печати в действительность. Буржуазия, однажды укрепившись в седле, вовсе и не думала о том, чтобы допустить рабочие Советы к контролю. Не то, что в какой-то рабочей „палате господ“, но и в самом существовании политических рабочих Советов она усматривает покушение на буржуазную демократию. Буржуазия осуществила в Германии и Немецкой Австрии не компромисс между пролетарской и буржуазной идеей,—к которому стремятся центровики,—а открытую, свирепую диктатуру, покоющуюся на пулеметах и бомбометах. Утверждение Ленина (12 тезисов о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре), что в капиталистическом обществе при всяком обострении лежащих в его основе классовых противоречий возможна только либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата“ что „все мечтанья о чем-либо третьем, являются только реакционными ламентациями мещанства“ — этот тезис, подкрепленный сменой пролетарской диктатуры в Финляндии, на Украине и в Сибири белым террором буржуазной диктатуры, вполне подтвердился в Германии и Немецкой Австрии. Несмотря на то, что в этих странах пролетарская диктатура еще даже не успела утвердится, достаточно было одного только стремления пролетариата к ней для того, чтобы заставить буржуазию сбросить маску с своей собственной диктатуры: она устанавливает режим белого террора, не дожидаясь даже того, чтобы иметь возможность оправдать его террором красным. Выяснилось, что идея центровиков о возможности компромисса между белой и красной диктатурой есть нечто иное, как большая утопия маленьких утопистов, что однако, отнюдь не лишает эту идею ее опасного и путанного характера: не исключена возможность, что буржуазия в минуту опасности все-таки обратится к ней для того, чтобы удержать пролетариат от штурма. То обстоятельство, что часть реформистов — Кочек и Каутсский в Германии, Трульста в Голландии —распространяют ее, свидетельствует об ее пригодности для буржуазии.

На-ряду с неспособностью буржуазии разрешить хотя бы одну только какую-нибудь из проблем, порожденных мировой войною, и облегчить участь пролетариата, открытая, свирепая диктатура воздвигается буржуазией в Германии и Немецкой Австрии для того, чтобы предотвратить победу пролетарской диктатуры; палаческая диктатура, установленная в Венгрии после поражения пролетарской диктатуры, является залогом того, что дальнейшее развитие и победа революции неизбежны в форме пролетарской, коммунистической революции. Насильственно отрицая всякую возможность мирного развития, буржуазия сама толкает пролетариат в революционную борьбу, в борьбу насилием против насилия, оружием против оружия. Если пролетариат срединной Европы победит в этой борьбе, то ему не останется ничего другого, как установить, основываясь на своем опыте, собственную диктатуру, при чем ему придется утвердить господство рабочих Советов и в городе и в деревне и поддерживать это господство всеми средствами, каких потребует положение. Это будет диктатура рабочего большинства, что, однако, не означает, что это большинство обязательно может быть вычислено с математической точностью, или же что оно будет в наличности как раз к моменту победоносного восстания, или, наконец, что оно будет налицо в каждый данный момент существования пролетарской диктатуры. Коммунистическая революция прорывается тогда, когда играющие наиболее значительную роль в обществе слои пролетариата видят себя вынужденными восстать, под влиянием становящихся невыносимыми условий.

Ее победа может быть прочной только в том случае, если она опирается на большинство рабочего населения. Но было бы ошибкой забывать об обстоятельстве, прекрасно выясненном всем опытом русской революции: в трудных положениях, при значительных хозяйственных затруднениях, зачастую именно меньшинство пролетариата, чуждое робости и колебаний, временно принимает на свои плечи главнейшие тяготы борьбы. Только по данным позволительно предполагать, что на всех стадиях коммунистической революции речь идет о прямом господстве большинства

нации.—Это предположение является в свою очередь только отражением революционной неуверенности, шаткости центральных элементов, вынужденных, благодаря возрастающей революционности пролетариата, стать на точку зрения пролетарской диктатуры, но обставляющих ее вместе с тем всеми предосторожностями и оговорками, необходимыми для того, чтобы, елико возможно, приблизить ее к милому их сердцу призраку буржуазной демократии с ее насквозь изолгавшимся господством большинства.

Из этого же источника вытекает и то утверждение только что упомянутых элементов (из. соц.-дем. Герм. „левая" соц.-дем. немецкой, Австрии), согласно которому пролетарская диктатура в центральной и срединной Европе уже потому может избегнуть всякого насилия, всякого терроризма, что пролетариат в этих странах составляет большинство населения. Это утверждение можно было только в том случае признать, если бы удалось доказать, что борьба буржуазии против пролетарской диктатуры ведется ею единственно по незнанию промышленной статистики. Но это, разумеется, смехотворное представление. Буржуазия, поддерживающая ныне свое господство, которое есть господство меньшинства, всеми средствами насилия, не прекратит сопротивления и после того, как ей будет нанесено первое поражение. Уже то обстоятельство, что всемирная революция не произойдет во всех странах одновременно, что буржуазия тех стран, в которых она будет еще стоять у кормила правления, возымеет решительный интерес оказать поддержку свергнутой буржуазии других стран, заставит пролетарскую диктатуру бороться против буржуазной контр-революции всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Тот, кто эту навязанную пролетариату необходимость употреблять насильственные меры для того чтобы освободить порабощенное большинство человечества отожествляет с буржуазными террором, долженствующими увековечить порабощение и эксплоатацию, кто отвергает пролетарскую диктатуру из „этических" соображений-является противником пролетарской диктатуры, и противником тем более опасным, что ему не трудно проникнуть под маской сторонника пролетарской диктатуры в ее органы

1058980 С 90 9494
БИБЛИОТЕКА
Ин-та Маркса-Ленина
при ЦК КПСС

для того, чтобы там связывать ей руки. Венгерская революция познала практическое значение этой опасности на собственном теле; она пала не только под пулями румынских бояр, но и под предательскими кинжалами правых и центровых сторонников „диктатуры без насилия".

Развитие революции в срединной Европе от демократических иллюзий, благодаря которым большинство германского рабочего класса добровольно уступило въ декабре 1918 г. власть буржуазии, через белый террор капиталистической диктатуры ко все более обостряющейся борьбе рабочихъ масс за восстановление Советской власти вполне подтверждает главнейшие уроки русской революции и тот общий анализ мировой революции, который лег в основу резолюций первого съезда коммунистического Интернационала.

То же самое следует сказать и об опыте рабочего движения в странах Согласия, который в течение последних месяцев неуклонно разрастался вширь и вглубь. Опубликованный в "Daily Herald„ циркуляр английского правительства, державшего наготове войска в феврале, во время мировой стачки, вооруженное подавление майской демонстрации в Париже, запрещение стачки горнорабочих в Соединенных Штатах Северной Америки, конфискация стачечного фонда профессиональных союзов, массовое заключение в тюрьму социалистов только за пропаганду, употребление войск против бастующих,—все это показывает, что буржуазия готовится в этих „демократиях" к тому, чтобы вооруженной рукой задушить растущее рабочее движение. Иллюзии рабочих масс романских и англо-саксонских стран о том, что „демократическое" государство предоставляет им возможность мирно защищать свои интересы, являются первопричиной их половинчатой политики по отношению к буржуазии. Хозяйственный развал, все больше обнаруживающийся и в этих странах, вместе с разоблачением капиталистической демократии, как наглой диктатуры магнатов треста, несомненно, ускорит рост рабочего движения в странах Согласия и обострит его до степени сознательно-революционной борьбы. Уже то обстоятельство, что в странах Согласия, несмотря на господство буржуазной демократии, рабочий класс

вынужден вести борьбу против „демократических правительств, служит порукою в том, что эта борьба, в случае победы, должна будет выйти за пределы буржуазной демократии, т.-е. привести к пролетарской демократии, которая, очутившись лицом к лицу с противодействием имущих классов, не сможет не завершиться диктатурой Советской власти.

3. Период мировой революции.

Тактика капиталистических партий и групп в странах, подвластных капитализму, исходит из основывающегося на анализе фактов убеждения в том, 1) что только мировая революция способна устранить разрушительные последствия мировой войны и построить новый жилой дом для человечества; 2) что все капиталические страны находятся уже в процессе этой революции; 3) что она может найти свое предварительное завершение только в установлении пролетарской диктатуры в главнейших капиталистических странах и в создании Всемирной Советской республики. Вместе с тем тактика коммунистических партий принуждена считаться с тем обстоятельством, что победа пролетариата ни в одной какой-нибудь отдельной стране, ни тем менее в международном масштабе может явиться результатом кратковременной борьбы, а что ей, напротив, должен предшествовать длительный период борьбы, в течение которого будут перемежаться победы и поражения. Стратегия и тактика пролетариата должны быть приурочены не к кратковременному походу, а к длительной войне, в которой наступление и оборона сменяют друг друга и применяются все роды оружия.

В виду того, что ошибочная и ведущая к неправильным тактическим приемам надежда на скорую победу является результатом неверного применения опыта русской революции к условиям мирового переворота, коммунистическим партиям необходимо обратить самое пристальное и длительное внимание на нижеследующую существенную разницу в условиях русской и средне, а также западно-европейской и северо-американской революции. В России существовало наряду с пролетариатом крестьянство, восставшее против

господства буржуазии и помещиков, так как оно жаждало мира и земли и воли. Так как война, поскольку она велась большими армиями, набранными на началах всеобщей воинской повинности, покамест окончена, и буржуазия ведет свои походы в колониях и в Восточной Европе с помощью наемных войск, то войну не приходится принимать в расчет, как фактор, способный подтолкнуть крестьянство капиталистических стран к революции. В социальном отношении крестьяне капиталистически развитых стран представляют мелко-буржуазных частных собственников и товаропроизводителей, которые чувствуют себя частными собственниками, не взирая на то, что финансовый капитал успел уже поработить их системой ипотечного кредита. Стремление к повышению цен на жизненные припасы, нежелание повысить оплату труда своих наемных рабочих, боязнь за свою собственность связывают крестьян с буржуазией. О том, чтобы они поддержали пролетариат в борьбе против этой последней, нечего даже и думать. Напротив, богатые мужички образуют главный контингент белых банд, борющихся против пролетарской революции, если не удается укротить их, организовав с этой целью сельский пролетариат и беднейшее крестьянство. Русская буржуазия была, благодаря своей молодости, благодаря выдающейся роли иностранного капитала в русской промышленности, слабо и плохо организована, только в марте 1917 г. она добилась непосредственного господства, но не в состоянии была быстро укрепить свою власть в виду того, что продолжение войны гнало в объятия революции армию, эту главнейшую опору государственной власти. В развитых капиталистических странах буржуазия представляет собою сравнительно широкий, превосходно организованный в процессе экономической концентрации слой населения, она влияет на народные массы с помощью прессы, церкви и школы; она привыкла властвовать, и основываясь на опыте русской революции, она успела усовершенствовать и развить свою мощь, выставить повсюду, от Вислы до Тихого океана, против пролетариата белую гвардию, как главнейшее орудие подавления. Демобилизуя, она разоружает пролетариат и в то же время готовит буржуазную милицию и надежных наемников для

расправы с пролетариатом. Опыт стачек и транспортны рабочих в Париже и железнодорожников в Англии, опыт с гвардией Носке, с домовой охраной в Германии, с милицией и пинкертоновскими бригадирами в С. Америке показывает, что в то время, как русский пролетариат вооруженной рукой добился власти, в капиталистически развитых странах передовые ряды пролетариата должны будут с открытой грудью встретить копья буржуазии, прежде чем спешащие им на выручку, рабочие массы смогут разоружить противника. Однако, этим не исчерпываются различия в ходе развития русской и западно-европейской революции.

В то время, как в России в 1917 г. весь народ в целом находился в отчаянном положении, победоносной буржуазии Франции, Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов удается внушить значительной части народа надежду на то, что ее положение сможет быть улучшено за счет побежденных стран. Ей еще удается с помощью уступок маленьким, но играющим заметную роль в процессе производства, категориям пролетариата временно расколоть его ряды. Надежда на то, что „Германия за все заплатит" погаснет только тогда, когда под влиянием фактов станет ясно, что побежденные страны, находящиеся в состоянии полнейшего упадка, даже самих себя не в состоянии прокормить, не говоря уже о том, чтобы еще откармливать другие народы. Близорукая отчужденность рабочей аристократии исчезнет по мере того, как налоговая политика капитализма покажет этому слою, что крупный капитал больше берет у него, чем дает ему. Подавляющее большинство пролетариата в странах победоносного капитала верит еще в то, что ему удается принудить капитализм к уступкам, которые дадут ему возможность жить по-человечески в капиталистическом обществе.

Выступления огромного большинства пролетариата этих стран носят в его сознании реформистский характер, который, однако, не замедлит исчезнуть, когда, благодаря крушению значительного большинства этих выступлений или безрезультатности достигнутых улучшений (повышения заработной платы), обусловленной увеличивающейся анархией, обесценением денег, вздорожанием продуктов, массы убедят-

ся в том, что не заплаты надо накладывать на обветшавшее здание капитализма, а просто-напросто срыть его с лица земли.

Тактика коммунистических партий должна исходить из той предпосылки, что пролетарская революция будет развиваться только медленно, как бы неизбежен был ее приход для капиталического мира.

Создание массовой воли к разрушению капитализма, создание аппарата, способного вести борьбу за диктатуру пролетариата и стать после победы аппаратом пролетарской диктатуры станут возможными только в результате длительной борьбы которую коммунисты могут сократить с помощью идейной ясности, железной энергии, неутомимой выносливости, но через которую они не в состоянии перепрыгнуть.

4. Экономическая и политическая борьба.

Внешние условия, в которых будет протекать освободительная борьба пролетариата, в различных странах являют в период мировой революции меньшие различия, чем во время периода спокойного развития. Благодаря тому, что буржуазия теперь повсюду с одинаковой свирепостью выступает против пролетариата, благодаря тому общему влиянию, которое оказывает мировая разруха на хозяйственное положение каждой отдельной страны, благодаря тому, что пролетариат точно так же, как и буржуазия, не больше принимает во внимание международные уроки революции и контр-революции, борьба приобретает во всех странах отпечаток общности характеристических черт, который и должен быть положен в основание общей тактики коммунистов, хотя, разумеется, при этом не сможет быть упущена из внимания своеобразность положения в каждой отдельной стране, как равно соответствующей ему и тактики. Коммунисты смогут выступить руководителями в этой борьбе только постольку, поскольку они будут подходить к ней не с точки зрения предвзятых рассуждений, а со стороны ее живой и наглядной конкретности.

Вся совокупность борьбы, которую пролетариату придется теперь довести до конца, весь характер той эпохи клас-

совой борьбы, в центре которой мы находимся, имеют социально-революционное значение. Это значит, что борьба должна кончиться преодолением капитализма, объективно ведет к подобному преодолению по той простой причине, что капитализм нельзя уже реформировать. Но субъективные отправные пункты массы, т.-е. те цели, ради которых выступает большинство пролетариата, носят реформистский характер, они вертятся не вокруг свержения капитализма, а вокруг увеличения заработной платы, уменьшения рабочего времени, введения контроля над условиями работы, или, в лучшем случае, производства. Высшая цель, поставленная себе большинством пролетариев Англии и Америки,—национализация рудников и железных дорог,—является с абстрактной точки зрения даже реакционной, так как капиталистическое государство приобрело бы при этом необыкновенно мощное орудие власти. Конкретно же борьба за эти цели получает революционное значение, потому что, с одной стороны, буржуазия, стоящая за спиной государства не желает поступиться с принципом частной собственности, а с другой стороны, и пролетариат отнюдь не расположен отдавать управление национализированной промышленностью в руки государственной бюрократии, но напротив, сам рассчитывает овладеть им (см. заявление Роберта Смайли, проект Плюма). Точно также дело обстоит даже с борьбой за простое повышение заработной платы. Само по себе стремление к повышению заработной платы не представляет ничего революционного, тем более, что увеличение заработной платы не в состоянии даже покрыть наступающего тем временем вздорожания продуктов. Однако, общая сумма этих требований делает невозможным их удовлетворение, так как заставляют капиталистов отказаться либо от прибыли, либо от сбыта, неминуемо становящегося все более затруднительным, по мере роста цен. Беспрерывная борьба лишает буржуазию возможности вычислить издержки производства, все больше и больше нарушает нормальный ход производительной деятельности.

Если пролетариат, в большинстве своем, не осознал еще революционного характера той своей борьбы, то тем лучше его поняла буржуазия. Вот почему в ней наблюдается—

после кратковременного периода уступчивости, от ноября 1918 г. до марта 1919 г.,—все растущая решимость не допускать никаких частичных побед пролетариата, разбить его в случае надобности на голову, и запугать кровопусканьями и измором. При каждом частном столкновении буржуазия во всех странах станет, как класс, на сторону предпринимателей, которым будет угрожать опастность. До сих пор, международная тактика профессиональных союзов сводилась к тому, чтобы с помощью изолированных частичных столкновений, в которых борющиеся рабочие получают порою поддержку из стачечного фонда других союзов, медленно, шаг за шагом добиваться лучших условий труда для одного слоя рабочего класса за другим. Теперь буржуазия будет предупреждать частичные победы. Для этого она сможет прибегнуть либо к локауту и таким образом в одно мгновение ока, совершенно истощить профессиональные кассы, или же обеспечить себе победу промышленников, находящихся в борьбе, оказывая им финансовую поддержку. Профессиональным союзам придется бороться против этой опастности, апеллируя к солидарности всего рабочего класса, организуя забастовки сочувствия. Забастовка сочувствия предполагает столь высокую степень классовой солидарности в непосредственной форме не только совместного бастования, но даже совместного голодания, что настроение, необходимое, для нее легко возникает, или же, однажды возникнув, недолго продержится. Капиталисты рассчитывают как раз на то, что при забастовке протеста средства бастующих быстро иссякнут, их кредит у лавочников скоро исчерпается и забастовка окажется сломленной еще прежде чем предпринимателям придется обратиться к помощи государства. Если же забастовщики прибегают к насилию (саботаж, изгнание штрейкбрехеров, уличные беспорядки), то в дело вмешивается государство со своими насильственными мерами. Забастовки сочувствия не могут даже одержать длительной победы, как только экономические забастовки, ограничивающиеся пределами промышленного предприятия и выражающиеся в отказе предоставить им свою рабочую силу. Они выдыхаются. Перенесенные же на улицу в виде политической борьбы, забастовки протеста ставят проле-

тариат лицом к лицу превосходными силами капиталистического государства, против которого рабочий класс оказывается в первое время слишком слабосильным. Ни в промышленных предприятиях, ни на улице пролетариат не может добиться немедленной победы. Прежде всего, выясняется, что бегство от мощи капиталистического государства, с его белой гвардией, промышленные предприятия также мало может обеспечить победу, как и бегство от голода из промышленных предприятий на улицу. В этой стадии борьбы рабочие массы будут терпеть неоднократные поражения, все равно будут ли они следовать своим синдикалистским стремлениям, победить только с помощью экономических средств, или своим политическим (часто бунтарским) стремлениям одержать победу единственно только с помощью насилия. Неоднократно придется впадать им в отчаяние и прибегать к индивидуальному террору, на который буржуазия будет отвечать преследованием всех вообще пролетарских организаций, делая их ответственными за все подобные акты насилия даже в тех случаях, когда они сами предостерегают от террора, как от целесообразного средства борьбы (зри дикое преследование Industrial Workers of the World в Америке, после каждого покушения, к которому они, как организация, не имеют никакого касательства). Рабочий класс в свою очередь обратится к произведенному саботажу, сознательно замедляя темп работы, а буржуазия ответит на это локаутами, заставляя рабочих подчиняться условиям аккордной платы. В конце концов рабочие, после всех этих обходных маневров, снова будут вынуждены к фронтальной атаке, инсцинировать массовые стачки, выходить на улицу, сооружать баррикады.

Эти столкновения будут повторяться, повторяться неоднократно, голод будет вынуждать к ним рабочих, которым придется после каждого нового поражения снова бросаться в бой. Возможно, что буржуазия, умудренная тем обстоятельством, что ее победы не обеспечивают ни непрерывности, ни роста производства, временно откажется от насилия для того, чтобы испробовать методы частичных уступок. Но она не в состоянии удовлетворить широкие массы, не в состоянии совладать с анархией, ею же самою вызванной.

И на завтра же начнется новая борьба. Каждая из этих стычек в отдельности может окончиться поражением рабочих либо голодом, либо вооруженной силой. Но залог победы лежит исключительно в непрерывном повторении этих стычек. Они не являются результатом преждевременной агитации незначительного меньшинства рабочего класса Рабочих гонит в бой нужда, гнет капиталистов, и каждое поражение идет рука об руку с исчезновением части экономических и политических иллюзий массы, со все большим сознанием ею противоположности ее интересов по отношению к классу капиталистов, с ростом ее революционного упрямства и ее воли к разрушению капиталистического государства и угнетения. Дорога к победе ведет через мертвые точки разочарований, малодушия, поражений благодаря тому, что рабочий класс спаивается в этой борьбе, проникается революционной волей, способной противостоять насилию капиталистического меньшинства. Когда массы объединены и пропитаны революционным духом, тогда меры буржуазного насилия оказываются недействительными. Разоруженные пролетарии являются производителями всех сортов оружия. Они изыщут способы овладеть ими. И даже если им только в незначительной степени удастся достигнуть этого, то белая гвардия должна будет захлебнуться в массовом море пролетариата, который сокрушит капиталистическое насилие и овладет государственным аппаратом буржуазии для того, чтобы получить в свое распоряжение средства государства.

---

5. Состояние пролетарских организаций.

Картина предстоящего поединка, составленная частью из характернейших особенностей тех столкновений, которые имели место уже в нынешнем году, частью из общих теоретических соображений, указывает на большую первобытность, даже на хаотический характер, как на основную черту настоящей эпохи. Революция, призывающая миллионы к новой жизни, заставляющая их опытным путем прокладывать себе дорогу, не может развиваться подобно маневрам вымуштрованных армий линейной тактики, совершавших по

команде любой поворот. Но этот характер мировой революции не исключает возможности осознать ее направление и внести наибольшую степень доступной организованности в борющиеся массы. Чем яснее будет сознание тенденции развития революции, тем более значительными будут организационные успехи, тем безболезненнее неудачи и тем незначительнее жертвы. Именно потому, что мы еще находимся только в начале мировой революции и только в общих чертах можем определить ее формы и тенденции ее развития, еще слабо в капиталистических странах сознание мировой революции, и ее носительница — коммунистическая партия, робкие попытки выйти на настоящую дорогу заменяют еще ясное сознание и уверенное движение к правильной цели. Из этого следует, что существование коммунистической партии является предпосылкой организованной борьбы, беглой и главнейшей задачей которой будет, вооружившись всем опытом революционной борьбы накопленным до сих пор и материалистическим пониманием истории, как той ариадниной нитью, которая способна провести через лабиринт современности, одним словом—во всеоружии марксовой теории, которая до сих пор еще не превзойдена, изучить каждое положение борьбы в его связи с исходными пунктами движения и с его целью для того, чтобы во всякой ситуации иметь в виду соотношение сил, определить необходимейшее и бороться вместе с массой за достижение этого необходимейшего. Поскольку массовой борьбой можно вообще руководить, постольку ею может руководить только разум пролетараита. Разум есть сознание связи между явлением. Только коммунистическая партия в состоянии олицетворят этот разум, потому что она не только объединяет в себе опыт всех революционных войн от негритянских восстаний до защиты Советской России силой рабочей Армии, но и потому еще, что она не прибегает к каким-нибудь предвзятым революционным или реформистским догмам, не употребляет единоспасающих лекарств, а всегда заново подводит итоги к каждой фазе борьбы, сознавая, что не всемирная революция у нее, а она должна учиться у всемирной революции. Только это сознание делает ее признанной руководительницей пролетарских масс в мировой революции,

Синдикалисты, утверждающие, подобно синдикалист-коммунистической группе в Гамбурге, что массовые организации сами должны руководить своей борьбой играют словами. Коммунистическая партия не обладает никакими средствами для того, чтобы сверху предписывать массовым организациям пролетариата тот или иной определенный путь. Массовые организации всегда идут во время революции тем путем, до которого организованная в них пролетарская масса созрела на основании своего опыта. Но эти массовые организации только в той мере сумеют выбраться на кратчайшую дорогу, в какой они будут действовать не под влиянием временных впечатлений, настроений, расчетов, а вполне сознательно обозревая весь пройденный и еще оставшийся путь, то-есть в той мере, в какой они будут марксистски коммунистическими. И так как дело стоит именно подобным образом, то существование коммунистической партии, как носительницы коммунистического сознания и мировой революции, является первым условием правильной организации и руководства борьбою. Эта партия должна отдавать себе честный отчет в положении дела на каждой стадии мировой революции, обозревать целесообразные средства, непосредственно стоящие на очереди, и достигать в этом отношении полной ясности, хотя бы ценой идейной борьбы в собственных рядах: однажды составив себе точную картину положения и определив маршрут, она в праве требовать, чтобы все ее члены, действовали в массовых организациях в одном и том же направлении, ибо только таким образом коммунистическая партия в состоянии попытаться в каждую минуту мировой революции внушить массам наибольшую целестремительность. Это удается только отчасти, потому что самосознание масс находится одновременно на разных стадиях развития. Но в каждую данную минуту это удается тем лучше, чем яснее коммунистическая партия представляет себе положение дела и чем решительнее она проводит усвоенную точку зрения. Рассуждать в военном совете партии и поэтому не допускать императивных мандатов на партийную конференцию, где аргументы должны быть взвешены, но подчиняться железной дисциплине после решения, когда уже отданы боевые

приказы,—так гласит требование политической мудрости Коммунистическая партия есть партия свободной дискуссии коммунистов во время боевых пауз, не дискуссионный клуб в огне войны, а руководительница боя. Она представляет собой генеральный штаб пролетарской революции, но в виду того, что она может не приказывать, а только убеждать, пролетариату удастся победить только в том случае, если весь он, укрепленный и просветленный долгим периодом борьбы, окажется на высоте своего генерального штаба Внутренняя борьба коммунистической партии не является кружковой борьбою вожаков за первенство, а попыткой передовых отрядов пролетариата отдать себе отчет о необходимых предпосылках его победы.

Коммунистические партии Запада слишком молоды, чтобы вполне ясно сознавать условия мировой революции, находящиеся только в зародыше. Ближайшей задачей должно быть выяснение вопроса о том, каким образом придать нынешней фазе мировой революции наивысшую степень организованности, доступную в настоящее время, и какие средства и формы борьбы должны быть при этом пущены в ход. Для выяснения этого вопроса нужно прежде всего произвести, так сказать, опись всего наличного инвентаря, надо выяснить, какие войска уже находятся в линии огня и какие будут туда предположительно отправлены в ближайшее время, какими формациями (организациями) они располагают и какие средства борьбы имеют в своем распоряжении. При этом оказывается, что покамест только промышленный пролетариат принимает участие в борьбе: за исключением Италии сколько-нибудь желательной массы сельско-хозяйственного пролетариата нигде не оказывается на поле битвы. В Германии можно было наблюдать только очень робкое движение сельских рабочих в Восточной Пруссии и Померании. А это означает вот что: буржуазия располагает еще вполне главным контингентом своих войск—крестьянством, из которого, главным образом, рекрутируется белогвардейская масса. Далее: если принять во внимание, что европейская рабочая революция, в какой бы стране она ни разгорелась, будет в первое время отрезана от подвоза жизненных припасов из Северной и Южной Америки, и на то, что

между Советской Россией, которая в будущем явится для Европейской России главнейшим источником жизненных припасов и сырья, и Западной Европой находится покамест контр-революционный барьер (вассальные государства Антанты), что благодаря этому барьеру и возможности проникновения в Россию организаторских сил, благодаря войне, истощающей ее силы, она не в состоянии была настолько организовать транспорт и промышленность, насколько это нужно, чтобы сделать Советскую Россию сейчас же после прорыва этого контр-революционного барьера резервуаром европейской революции, если, одним словом, принять во внимание, что европейские страны в начале должны будут рассчитывать исключительно только на свою собственную узкую аграрную, продовольственную базу, то тогда отсутствие сельских рабочих в движении означает не что иное, как то, что и победа покамест еще невозможна. Наши организационные стремления должны, стало быть, поставить себе задачей не окончательный штурм, а только предварительные стычки на передовых позициях. Эту часть борьбы возьмет на себя и промышленный пролетариат. И его наиболее значительные слои появились уже на поле битвы: горнорабочие, металлисты и рабочие транспорта стоят уже во всех странах в огне.

Как же они организованы? В Германии они располагают свободными профессиональными союзами, обнимающими шесть миллионов рабочих, которые в своей массе являются главным контингентом организованных борцов, но руководители которых совершенно контр-революционны. Остальные союзы—христианский и либеральный с несколькими сотнями тысяч старых неповоротливых, небоеспособных рабочих и с чисто буржуазными вожаками, вообще отпадают для борьбы.

Синдикалистские профессиональные союзы с небольшим числом революционно настроенных, но малосознательных рабочих и вожаков являются только революционными дрожжами, а не революционной массовой организацией. Во Франции профессиональные союзы слабее, чем в Германии, синдикалистские вожди частью вполне оппортунистичны (Жуо), частью умеренны (Мергейм), и только в одной части револю-

ционны. Синдикалистские профессиональные союзы являются во Франции единственными массовыми организациями пролетариата. В Англии мы имеем разрозненные цеховые союзы (Craft Ucions) и большие промышленные союзы (Industry Unions). Развитие идет в сторону централизированных промышленных союзов. Их члены находятся в состоянии величайшего брожения, какое Англия когда-либо видала. Большинство вожаков настроено в духе умеренности и реформизма, меньшинство (Спайли, Вильямс, Том Манн, Кремн) радикально не достигая, однако, ясности в смысле коммунизма. В Северной Америке перед нами организация реформистских профессиональных союзов, с капиталистическим лакеем Гомперсом во главе, которая охватывает массу организованной, американской рабочей аристократии. Это Федерация Труда (Federation of Labour) является свободным конгломератом цеховых союзов, в которую мировая война и ее последствия внесли много изменений и вдохнули свежее, боевое настроение. Так как эта организация слабо централизована, то боевые тенденции, не носящие еще покамест сознательно революционного характера, пробивают себе дорогу, несмотря на противодействие старых вожаков. То обстоятельство, что тресты отклоняют всякие компромисы, а государство неукоснительно выступает против рабочих, ухудшает положение конт-революционных вожаков и ускоряет радикализацию Федерации Труда. Ей противостоят Industrial Workers of the World, насчитывающие более миллиона членов, политически неясная, но революционная организация, громадная заслуга которой состоит в том, что она организовала миллионы чужеземного пролетариата, находящегося в положении вьючных животных. Так как труд его оплачивается хуже всех, то он революционнее всех. Так как он находится в одинаковом положении и не дифференцирован подобно квалифицированным рабочим, то его можно было объединить в одну промышленную организацию, независимо от часто меняемых специальностей.

Таковы массовые организации пролетариата главнейших капиталистических стран профессиональной области. К этому приходят и еще политические организации, которые охватывают менее значительные массы, но влияют на более

широкие профессионально организованные. Самой большой партией пролетариата все еще является немецкая контр-революционная социал-демократия, поставляющая профессиональным союзам контр-революционных вожаков и служащая величайшим препятствием революции в мире. Подле нее стоит независимая социал-демократия с 800.000 членами, которые революционно настроены, но недостаточно сознательны и дают своим частью оппортунистическим, частью тоже недостаточно сознательным вожакам возможность запутывать себя. Коммунистическая партия Германии охватывает, несмотря на все преследования, несмотря на нелегальное положение, свыше ста тысяч организованных членов.

Во Франции существует только одна партия пролетариата, французская социалистическая партия, со слабым контр-революционным и слабым коммунистическим крылом и центром, массы которого точно так же, как часть вожаков, находится на дороге к коммунизму. Большинство революционных рабочих политически не организовано.

В Англии действует большая массовая партия Labour Party, являющаяся свободным объединением профессиональных союзов с социалистическими партиями и группами, возникши ради ведения политической, в особенности избирательной борьбы. У нее нет собственных организаций, так как в нее полностью входят члены профессиональных союзов и социалистических партий. Это значит, что у нее нет самостоятельной жизни,—она лишь отражает жизнь других организаций. Энергичнее всего стремится повлиять на эту общерабочую партию реформистская независимая рабочая партия, I. L. P. Она соответствует приблизительно левому крылу германских независимцев, в ней есть чисто реформистское и есть радикальное крыло, революционность которого проистекает в равной мере как из пролетарских, так же точно и из религиозных, из милитарных и пацифистских источников. Особняком от рабочей партии стоит британская социалистическая партия и близкие к ней группы — все коммунистического характера. В Италии виднейшая политическая партия пролетариата стоит, как известно, на коммунистической точке зрения.

Ей сильно вредит, однако, то обстоятельство, что наибо-

лее известные из ее парламентских представителей являются реформистами.

В Северо-Американских Соединенных Штатах имеется большая социалистическая партия, собравшая при выборах около миллиона голосов. Вожди ее придерживаются оппортунизма, а между членами замечается раскол. Значительно слабее две революционные коммунистические партии, существующие на-ряду с нею. Рядом с ними действуют несколько чужестранных социалистических групп, которые придерживаются революционных и радикальных взглядов потому, что представляют плохо оплачиваемые группы пролетариев.

Мы приводим все эти общеизвестные факты потому, что, будучи сопоставлены, они сами говорят за себя. Теперь нам уже придется доказывать, что коммунистический Интернационал не имеет права пренебрегать многочисленными массовыми организациями, действующими в старом капиталистическом мире, поскольку они не становятся на почву коммунизма, а только движутся по направлению к нему, основываясь на обстоятельстве, что русская часть этого Интернационала не только имеет за собою русские пролетарские массы, но и господствует с их помощью над обширным государством. Нужно выяснить, не движется ли часть старых организаций в нашем направлении, и как можно способствовать этому движению.

Ребяческое представление о том, что на одной стороне существуют слабые коммунистические партии, на другой — контр-революционные, а по средине—пустое место, из которого мы будто бы в состоянии по свободному выбору образовать органы мировой революции, не имеет ничего общего с методой коммунизма. Она есть следствие юношеского коммунистического сектантства, которому не столько важно руководить действительной борьбой пролетариата, сколько хотелось увековечить самое себя памятниками и часовнями во славу единоспасающего духа. Чтобы быть справедливым, по отношению к этим сектантам, можно было-бы, пожалуй, указать на то, что только Господу Богу удалось создать мир из своего духа, без начала и конца, мы же, коммунисты, являемся простыми смертными и принуждены поэтому создавать свой мир, мир коммунизма, из того материала, кото-

рый оставлен нам в наследство эпохой мирного развития социализма и который становится все более текуче-революционным в горне мировой войны и начинающейся ныне революции.

Мы произвели опись этого материала и перечислили его для того, чтобы указать на сложность предстоящей нам задачи. Разрешить и мы сможем только после того, как мы, рассмотрев наличные организации массовой борьбы, обратимся к вопросу о том, каким образом организовать самую борьбу, какую роль может сыграть коммунистическая партия в качестве руководительницы революции in potentia (в зародыше).

6. Роль коммунистических партий.

Во всех странах Западной Европы коммунистические партии еще очень слабы, а частью только зарождаются. И все-таки в их возникновении, как политических партий нет ничего искусственного, оно соответствует потребностям движения. Как бы ни мало было количество мужчин и женщин, которые, сразу же, с самого начала революционного движения вполне понимают потребности его развития, и определенно решились пройти до конца путь революции, их сила значительно увеличивается, когда они выступают, как самостоятельная организация, и открыто развертывают революционное знамя. Только благодаря тому, что они организуются в самостоятельную партию и разъясняют массам по поводу каждого возникающего вопроса свою собственную, непреклонную точку зрения, они становятся заметны массам. Вначале рабочие массы, убаюканные иллюзиями, не следуют за коммунистическим знаменем, больше того—они отвергают пути коммунизма. Они надеются еще мирным порядком достигнуть своей цели, в сотрудничестве с „передовой“ частью буржуазии. Коммунисты представляются им не только романтиками, навязывающими рабочему классу совершенно непосильные задачи, но, прямо-таки, подстрекателями, готовыми „безрассудно“ и „злостно“ повергнуть их во все несчастия гражданской войны. Потом наступает отрезвление. Наученные практикой буржуазной демо-

кратии, массы убеждаются в том, что им необходимо бороться. Но они боятся еще последствий борьбы, они пугаются огромных задач, выдвигаемых перед ними революцией, пугаются предстоящих жертв. Они следуют за теми, кто выдвигает половинчатые лозунги, компромиссы, как цель борьбы. Однако, в то время, как в „демократический" период, массы относятся к коммунистам, как к романтикам и злодеям, с которыми у них не может быть ничего общего, они начинают уже, после того, как сомкнутый строй всех буржуазных фракций против пролетариата, или бесплодность коалиции с одной частью буржуазии, успели отрезвить их,— рассматривать коммунистов, как собственный, только слишком поспешный, в своей боевой решимости авангард. Массы ищут уже объединения с ними и жалуются, когда они слишком быстро шагают: мешают единству. Между тем, и коммунистическая партия, успела разрастись, к ней примыкают старые революционные элементы, наученные опытом борьбы, точно так же, как и рабочие массы, которые до сих пор еще не вступили в борьбу, подвергались наибольшей эксплоатации, и теперь, выгнанные из своих закоулков громовыми раскатами революции, землетрясением капитализма, приходят к коммунистической партии, потому что ожидают от нее скорейшего освобождения. Коммунистическая партия предостерегает от полумер, как она предостерегала от демократических иллюзий. Но тогда как в эпоху демократических иллюзий, являвшихся прямым предательством интересов рабочего класса, вынуждена была противопоставить себя массам, потому что они вовсе не вели борьбы, а попросту объединялись с буржуазией, теперь ее позиция гораздо выгоднее. Массы уже борются, хотя и недостаточно решительно. Коммунистической партии приходится только раскачивать их, толкать их вперед, когда они останавливаются на полпути.

Ей благоприятствует логика борьбы. Буржуазия сама делает полумеры невозможными, она заставляет пролетариат бороться до конца. День, когда рабочий класс видит себя вынужденным вступить в борьбу за диктатуру пролетариата, есть день коммунистической партии. В этот день она становится фактической руководительницей пролетариата,

независимо от того, борются ли массы непосредственно под ее знаменем, повернувшись спиной к реформистам и центровикам, научился ли центр бороться, скомкавшись и собравшись с духом в процессе борьбы. Коммунистическая партия, быть может, начинавшая свое существование, как небольшая, осмеянная группа, становится и на практике партией пролетарской диктатуры, так как именно ей, в ее качестве решительной провозвестницы диктатуры, массы доверяют руководство борьбою, после того, как они организуются в господствующий класс. Короче говоря, „коммунистическая партия становится руководительницей масс в их борьбе, противопоставляя на каждой стадии борьбы,—зачастую даже до того, как борьба началась,—отдельным эпизодом борьбы—конечную цель и половинчатости масс—прямую дорогу к цели, и выступая, как самостоятельная партия с отдельной программой и собственной тактикой.

Само собою разумеется, что коммунистической партии не приходится при этом только противопоставлять себя рабочему классу в качестве какой-то проповедующей секты, не принимая никакого участия в его борьбе. Она должна вербовать своим целям сторонников не только словами, но и делами. Средства борьбы, применяемые ею, разумеется, соответствует на каждой стадии борьбы тем целям, которые коммунистическая партия ставит себе, сообразно данным соотношениям сил. В течение начального периода, пока коммунистическая партия еще очень слаба, и преобладающее большинство рабочего класса даже не думает о борьбе, ей приходится ограничиваться пропагандой во всех рабочих организациях, во всех рабочих движениях. Перед ней нет никаких других возможностей, кроме силы убеждения. Она вербует сторонников, распространяя коммунистические воззрения. По мере того, как в передних рядах рабочего класса начинает замечаться разочарование в буржуазной демократии, по мере того, как пробуждаются новые слои пролетариата, пробуждаются и с юношеским пылом бросаются в борьбу, перед нею возникают задачи действия, но и опасности действия. Во время своего чисто-пропагандистского периода, коммунистическая партия развила свои конечные цели и показала в пролетарской диктатуре единственный

путь к цели, к коммунистической организации общества. Она открыла пролетариату глаза на то обстоятельство, что средства, предлагаемые реформистами для избавления масс от нищеты, являются только средствами порабощения пролетариата, она предостерегала его от компромиссов с центровиками. Теперь его окружают массы, которые, частью благодаря своим разочарованиям, частью благодаря своей свежести, свободе от традиций реформистской эпохи воспринимают коммунистические лозунги, как евангелие.

Они слышали, что только в пролетарской диктатуре их спасение. Стало быть, надобно немедленно добиться ее. Лучше сегодня, чем завтра. Они забывают, что коммунистическая диктатура может установиться только, как диктатура первенствующих в социальном отношении слоев пролетариата, что для ее провозглашения потребны, по меньшей мере, значительные массы металлистов, горнорабочих, железнодорожников, сильные отряды сельского пролетариата. Они забывают, что диктатура пролетариата, т.-е. руководство обширными государствами, не только является вопросом насилия, но и означает организацию производства, управления, находившуюся до сих пор в руках умственного пролетариата, тех его специальных общественных функций. Они забывают, что пролетариат, до сих пор исключенный из дела государственного управления, не в состоянии приобрести через ночь, на утро, качества, необходимые для того, чтобы взять на себя все эти функции, не нуждаясь в сознаниях в частичной помощи интеллектуального пролетариата. Диктатура пролетариата представляется им немедленно осуществимым решением, потому что она есть единственное решение вопроса о том, как избавиться от нищеты и потому, что она завоевала уже себе расположение меньшинства пролетариата. Часть коммунистической партии пытается осуществить в начале пути, ту цель, которая находится только на конце его. Коммунистическая партия стихийно приближается к бунтарству, к попытке завоевания политической власти в такую минуту, когда большинство рабочих масс ее вовсе не желает и не стало бы ее поддерживать, если бы она случайно попала в руки передовых отрядов рабочего класса. Опасность бунтарства преодолевается благодаря

тому, что опыт, кровавые уроки, показывают рабочим, что коммунистическая партия была вовсе не так неправа, когда она утверждала, что желание прозвести с помощью оперативного вмешательства здоровое дитя на втором месяце беременности, отнюдь не является доказательством врачебной искусности.

Едва только опасность жажды вспышкопускательства, „спасающего дела", оказывается превзойденной, а она постоянно возвращается, когда на поле битвы появляются живые массы, как партия видит перед собою новую опасность: бесплодной идейной неподвижности, желающей уберечь себя от всякого соприкосновения с враждебным внешним миром. Вчерашние вспышкопускатели разгуливают с плохо перевязанными головами. Да, они-таки сильно повредили себе голову, пытаясь прошибить стену или перепрыгнуть ее. Но они утешают себя. Ведь стена эта вовсе не так уже непоколебима—раз мы находимся в состоянии мировой революции. Правда, вчера не удалось ее перепрыгнуть, но именно поэтому она рухнет завтра. Завтра раздастся трубный глас и стены Иерихона падут. А покамест надо держаться подальше от них. Конкретно говоря, в коммунистической партии начинает пробиваться направление, требующее отказа от употребления каких бы то ни было иных мер, кроме генерального штурма. Коммунистическая партия пыталась теоретически, так равно и на основании их собственного опыта, доказать массам, что рабочий класс сможет освободить себя не на парламентском паркете, на фабриках и на улице, с помощью речей и переговоров, а только в борьбе против буржуазии, последняя фаза которой будет заключаться в парализовании производства и в зависимости от обстоятельств в массовом восстании. „Принципиальные" бьют теперь ее же добром, да ей же челом. От того, что парламент не является тем поприщем, на котором капиталистическое общество может быть свергнуто, некоторые из наших соратников умозаключают к тому, что участие в выборах, в парламентской работе является принципиально недопустимым, принципиально вредным. Они не замечают, что парламент, с помощью которого пролетариат, правда, не может победить—для победы, ему уже придется напрячь

всю свою силу, как классу,—очень хорошо может оказаться, той почвой, на которой нам удастся сорвать маски с буржуазии и ее мнимо социалистических пособников. Благодаря тому, что парламент не может стать орудием нашего господства,—наше господство должно корениться в таких организациях, где пролетариату придется не спорить и торговаться с пролетариатом, а энергично и быстро создавать и самостоятельно проводить свои законы, без всякой помехи с ее стороны,—благодаря этому, многие не замечают, что мы можем доставить затруднения господствующей буржуазии, присутствуя в парламенте, разоблачая ее перед массами не только речами, которые буржуазная пресса может замалчивать, но и конкретными предложениями, острыми столкновениями. При этом мы имеем возможность постоянно приводить в движение саму массу, поскольку она поддержит депутациями и демонстрациями коммунистическую партию, партию, борющуюся не за компромиссы с буржуазией а за привлечение симпатий широких слоев народа. Настроение, господствующее не в одних только коммунистических массах—массы, примыкающие к центру, т.-е. к н. с. п., тоже становятся все более враждебными парламентаризму,—чрезвычайно показательно для определения степени ее готовности к борьбе, ее недовольства, неспособностью центровиков революционно использовать парламентскую трибуну,—но коммунистическая партия все-таки не имеет права поддаваться этому настроению. Она не знает, как долго будет продолжаться борьба, какие поражения обрушатся еще на головы революционной массы. Быть может, наступит время, когда буржуазия, борющаяся за свое существование закроет все коммунистические газеты, еще более стеснит самую возможность коммунистической организации, чем это имеет место ныне. Конечно, и эти преследования не помогут делу,—потому что господство буржуазии обречено на смерть, а господство пролетариата, раньше или позже, должно утвердиться. Весь вопрос только в том, должны ли мы добровольно, по собственной инициативе пренебречь трибуной, которая могла бы оказаться для нас очень полезной в подобной ситуации. Разумеется, буржуазия может отрезать нам путь и к парламентской трибуне, подобно тому,

как она бросила Карла Либкнехта и большевистскую фракцию Гос. Думы в каторжную тюрьму. Это она может сделать,—и мы сумеем тогда пособить горю. Вопрос только в том, должны ли мы помогать ей в этом. Коммунистическая партия отвечает на этот вопрос отрицательно: нигде, ни в одной стране, она не имеет права поступаться каким бы то ни было оружием, хотя бы самым малозначительным, ведя борьбу за пролетарскую диктатуру. Только тяжелое оружие даст нам окончательную победу, но облегчить ее смогут, при случае, и более легкие, имеющие в сущности второстепенное значение сорта.

Тенденции, стремящиеся совлечь коммунистическую партию с прямой дороги то в сторону вспышкопускательства, то к отказу от употребления конкретных родов оружия, не могут быть превзойдены с помощью одной только пропаганды. Дорогу к коммунизму коммунистическая партия указывает широким слоям народа точно так же, как и собственным массам, именно тем, что сама становится на нее. С той минуты, как она чувствует за своими плечами массу она не имеет права ограничиваться одной пропагандой. Она должна активно проявлять себя во всех областях. Если у нее нет еще достаточных сил для того, чтобы завоевать власть, то она уже достаточно сильна для того, чтобы оказывать практическое влияние на политику. Коммунистической партии приходится постоянно заново приводить в движение массы, на которые она опирается. Перед нею большое количество политических возможностей: от распространений прокламаций до массовой стачки. Ни одною нельзя пренебрегать. Демонстрация нескольких сот или тысяч рабочих, разумеется, не свергнет буржуазии, но не подлежит ни малейшему сомнению, что систематическая кампания собраний и демонстраций в пользу Советской России, против блокады, против поддержки русской контр-революции европейскою буржуазиею, произведет на эту последнюю гораздо большее впечатление, нежели газетные статьи и речи в парламенте. Тем, что коммунистическая партия Германии, например, благодаря тому презрению к малым средствам, которое преобладает теперь в ее рядах, отказалась от демонстрации по поводу ноты о блокаде, оставалась бездеятельной во все

время балтийской авантюры, она, разумеется, отнюдь не содействовала ни перед пролетариатом, ни перед буржуазией, различию между словесной политикой независимцев с одной стороны и коммунистической политикой действия — с другой. Демонстрации, в которых пролетариату приходится подвергать себя личной опасности, имеют значение не только как средство нажима на буржуазию, но и как способ приобрести влияние в массах, которые замечают, что партия вполне серьезно относится к своим целям. Когда Носке мобилизовал против Мюнхена белую гвардию, немецкий пролетариат был слишком слаб для того, чтобы помочь всеобщим восстанием мюнхенской советской республике и примкнуть к ее целям. Но если бы революционные партии заявляли бы повсюду в собраниях, на демонстрациях и центральными стачками о своей солидарности с Мюнхеном, то им удалось бы, быть может, удержать правительство от кровопролития. Там, где в парламентах и муниципиальных учреждениях заседают коммунисты, и им и коммунистическим организациям необходимо делать попытки к тому, чтобы делать главнейшие вопросы парламентской жизни, исходной точкой пролетарского действия. Но даже там, где коммунистическая партия не представлена в парламенте, ей все-таки представляется возможность произвести нужный нажим, мобилизуя массы. Коммунистическая партия не есть партия ожидания предстоящего взрыва, а партия обострения, радикализации пролетарских действий.

Позабыв об этом, она превращается в дискуссионный клуб или общину верующих, изо-дня в день раскалывающихся по вопросам своего исповедания.

Не подлежит сомнению, что действия пролетариата не могут быть организованы по пустяковым поводам или высосаны из пальца.

Важнейшим отправным пунктом тут оказываются вопросы экономического порядка, вопросы насущного хлеба. Нынешнее экономическое положение прямо-таки вопиет об организации масс и массовых действиях.

7. Профсоюзы и коммунистическая партия.

В четвертой главе мы попытались нарисовать приблизительную картину вероятного развития пролетарской борьбы на экономической почве и показали, каким образом она переходит в политическую борьбу за власть. Теперь надобно рассмотреть вопрос об отношении коммунистической партии к экономической борьбе и к тем организациям, которые ведут ее. Именно в этой области господствует величайшая неясность, именно здесь рабочую партию подстерегают наибольшие опасности. Если бы коммунистическая партия совершила какую-нибудь ошибку в области политической борьбы,—например, отказываясь от применения того или иного средства борьбы, то об этом пришлось бы пожалеть, — но сама по себе эта ошибка не угрожала бы существованию партии, — хотя бы потому, что все такого рода средства, например, парламентаризм, являются вспомогательными средствами.

Первенствующим оружием пролетариата в мировой революции является его массовая организация и борьба, которую он ведет. Каждая ошибка коммунистической партии в этой области угрожает ее сердцевине, грозя ей изоляцией, отделением от массы, падением до уровня секты. Полная ясность и непреклонное противодействие каждой—даже наиболее преходящей—сектанской тенденции является в этом смысле для коммунистического интернационала вопросом жизни или смерти. Два обстоятельства являются при этом опорными пунктами коммунистической позиции по отношению к вопросам экономической борьбы и ее организации:

1) Невозможность добиться длительных уступок со стороны капитализма на его теперешней стадии развития. Это означает, что прежняя функция профессиональных союзов, бороться за улучшение положения пролетариата в рамках капиталистического общества, практически уже обесценена;

и 2) то неоспоримое обстоятельство, что бюрократия профсоюзов, руководящая профессиональным движением, в главнейших капиталистических странах стремится поныне—как и во время войны,—удержать пролетарскую борьбу на почве реформизма и видит до сих пор, — в первом году ми-

ровой революции, как в течение всей мировой войны, — в коалиции с буржуазией единственное средство, с помощью которого пролетариат сможет чего-нибудь добиться.

Из обоих этих несомненных обстоятельств некоторые коммунисты делают тот вывод, что коммунистической партии необходимо взять на себя инициативу создания новых профессиональных союзов, задачей которых было бы организовать экономическую борьбу, в целях ниспровержения капитализма,—подобно тому, как коммунисты везде противопоставляют себя всем прежним пролетарским партиям и основывают особые коммунистические партии.

Эти умозаключения представляют собою пагубнейшее заблуждение, в какое только может впасть коммунистическая партия. Методологически они являются результатом чисто абстрактного, чуждого диалектики мышления,—практически—результатом того самого революционного нетерпения, которое порождает вспышкопускательство, пренебрежение некоторыми политическими средствами в революционной борьбе пролетариата.

Проанализируем процесс экономической борьбы, предположительную картину которой мы попытались набросать в четвертой главе. Профессиональная борьба не может привести теперь к длительному облегчению жизни рабочего класса, потому что все увеличивающаяся анархия производства, приводяшая к увеличивающейся революции цен, военная задолженность и т. д. все больше ухудшают положение. Чисто экономическая борьба все чаще оканчивается полным поражением рабочих, потому что великолепно организованные капиталисты противопоставляют сравнительно тощим кошелькам профсоюзов свои неограниченные денежные средства.

Политическая борьба, поскольку она выходит за рамки переговоров, оказывающихся в конечном счете совершенно безнадежными, обязательно приводит к борьбе за пролетарскую диктатуру, которая одна только откроет дорогу к прочному облегчению участи пролетариата, давая пролетариату возможность заново организовать производство в интересах рабочей массы. Такова общая тенденция развития экономической борьбы пролетариата в эпоху мировой

революции. Но достаточно спросить себя о значении слова тенденция для того, чтобы показать, как жестоко ошибаются те, кто хотел бы на место профессиональных союзов, борющихся за улучшение положения рабочего класса, поставить союзы, наперед ставящие себе задачей ниспровержение капитализма. Что значит тенденция? Направление развития, тенденция к тому, стало быть, что положение рабочего класса не может быть длительно улучшено в пределах капиталистического общества, обозначает, что все достигнутые облегчения оказываются потом превзойденными действительностью! Из этого следует, во-первых, то, что в каждую данную минуту отдельные группы пролетариата могут при случае достигнуть улучшений. Если, например, металлисты добились в каком-нибудь городе 50-ти процентнаго повышения заработной платы и уменьшения рабочего времени, то их положение улучшилось. Через несколько месяцев выяснится, что общее ухудшение хозяйственной жизни снова угрожает им нищетой. Но если-бы они раньше не добились повышения заработка, то теперь их положение было бы еще тягостнее. Это показывает, во-первых, что каждому профсоюзу, представляющему интересы рабочих, ничего другого не остается, как бороться в виду все растущей дороговизны за повышение заработной платы, во-вторых, что рабочие массы только медленно и постепенно съумеют наглядно убедиться в том, что таким путем им не уйти от нищеты. Далее, если капиталисты противопоставят какому-нибудь частичному выступлению профсоюзов объединенное противодействие, то рабочие отнюдь не всегда готовы будут объявить всеобщую забастовку, — и, наконец объявив ее, не сразу будут бороться с такою же энергиею, как если бы дело шло об их прямых интересах. И здесь опять нужно будет, чтобы каждая отдельная часть пролетариата неоднократно попадала в положение, вынуждающее ее апеллировать в борьбе за свои собственные шкурные интересы к другим частям пролетариата до тех пор, пока весь пролетариат научится бороться сомкнутым строем. Но и тогда необходимым будет еще длительный опыт совместной борьбы рабочего класса для того, чтобы она действительно превратилась в борьбу за диктатуру проле-

тариата, чтобы она приобрела ту остроту, глубину и ширину, без которых невозможно свержение капитализма. А из этого следует вот что: тактика всеобщей революционной классовой борьбы, разрушение капитализма, противопоставляемая нашей реформистской частичной борьбе профсоюзов, может осуществиться только в результате постепенно обостряющегося опыта профессиональной борьбы и частичных требований. В теории пропаганде мы можем полностью и без утайки противопоставлять свое понимание направления развития реформистским иллюзиям,—или, если угодно, обманам. В действиях же, где дело идет не о том, что мы говорим, а о том, как мы поступаем, мы покамест не можем предпринимать ничего другого, кроме борьбы за улучшение положения рабочих, за повышение заработной платы, понижение рабочего времени и т. п. Если бы на ряду с реформистскими профессиональными союзами ныне существовали бы и революции,—или так, где они,—подобно Industrial Workers of the Worlld в Америке,—действительно существуют — то различие между их тактикой и тактикой реформистских профсоюзов состояло бы не в том, что мы боролись бы исключительно за ниспровержение капитализма, а они за улучшение положения рабочего класса, а в том, что мы в каждом данном положении действительно вели бы борьбу за облегчение участи рабочих,—которая в конечном счете неминуемо взорвет капиталистическое общество, — с величайшим напряжением всех сил, в то время как реформистские вожаки профсоюзов,—частью из страха перед революционной борьбой, частью из чувства положительной солидарности с буржуазией, превращают даже свой реформизм в надувательство и предпочитают отказаться скорее от улучшения положения рабочего класса, чем от „совместной работы“ с буржуазией. Различие между нами и ими заключалось бы далее в том, что мы открыто предупредили бы рабочих о том, что одного повышения заработной платы недостаточно, что необходимо захватить власть, тогда как реформисты предостерегали бы их от подобных „авантюр“ и рассказывали бы старые сказки о надежном и спокойном шествии к социализму через демократию. Таким образом в вопросе о профсоюзах подлинная революционность заклю-

чается не в создании новых союзов с новыми задачами, а в удалении реформистских вожаков и замене их классовыми борцами.

Возможно ли это? Не забаррикадировалась ли бюрократия профсоюзов, опирающаяся к тому же в целом ряде государств на весь полицейский аппарат, настолько хорошо позади рядовых членов, что борьба против нее внутри союзов обречена на полную неудачу? Те, кто утверждает это и прибавляет, что лозунгом коммунистической партии должно быть в профсоюзах то же самое, что и в деле партийного строительства: раскол старых профсоюзов, устройство новых революционных рабочих союзов, забывают о целом ряде весьма существенных обстоятельств. Первое: как относятся рабочие массы к реформистским профсоюзам? Повсюду союзы приобретали за последний год новых членов миллионами. Даже в Америке, где на ряду с реформистскими союзами имеются и революционные (S. W. W.), прилив масс более значителен у реформистов, чем у революционеров. Это показывает, что массы видят в профсоюзах боевые организации. И что же делают рабочие в реформистских профсоюзах? Позволяют ли они убаюкать себя песенкой о гармонии между рабочими и капиталистами? Нет! Даже в Англии и в Америке они заставляют бюрократию профсоюзов вести борьбу против капиталистов. Реформистские вожаки беспрестанно дают в этой борьбе осечку, они стараются окончить ее компромиссом, массы познают на практике вредность реформизма, положение реформистских вожаков становится все более неустойчивым, новые революционеры приходят им на смену. В отношении Северной Америки и Англии это подтверждают все корреспонденты английской капиталистической прессы. То же самое мы видим и в Германии. Последний конгресс металлистов показал каждому, способному видеть, что контр-революционных вожаков профсоюзов нетрудно вышибить из седла, раз массы желают борьбы. Если это происходит недостаточно быстро и недостаточно энергично, то только потому, что часть революционных рабочих из лагеря коммунистов и независимцев, предоставляют поле действия соглашательским элементам, а сами занимаются подпольной агитацией в пользу новых

„чудодейственных" организаций массовой борьбы вместо того, чтобы стать во главе недовольных масс внутри профсоюзов, подгонять их в борьбе против капиталистов и добиться устранения тех вожаков, которые противодействуют этой борьбе.

Этим они ослабляют революционную борьбу в массовых организациях пролетариата и процесс их приспособления к новой ситуации, о котором еще будет речь впереди, не имея в это же время возможности образовать свои собственные профсоюзы. Реформистские союзы приобрели в Германии много миллионов новых членов, тогда как рабочие союзы остались мертворожденными. В минуту разочарования и поражения революционные рабочие основывают новый профессиональный союз, рабочий союз (Arbeiterunion). Но массы остаются в старых союзах, потому-что они инстинктивно чувствуют, что на экономической почве ничего нельзя поделать без массовой организации, боятся раскола, и кроме того уверенно надеются на то, что им удастся превратить свои старые организации в боевые величины. Рабочие союзы, учрежденные кое-где в Германии, влачат жалкое существование без всякой притягательной силы.

Да и чего могут они достигнуть?

Либо они агитируют за увеличение заработной платы и т. п., т.-е. за то самое, за что агитируют профсоюзы, — и тогда рабочие массы не имеют ни малейшего основания оставлять свои прежние организации. Либо они стараются привить рабочим философские соображения насчет того, что улучшение их положения невозможно при капитализме, что необходимо, стало быть, вооружаться к последнему, решительному бою и тогда они совсем уже попадают пальцем в небо, потому что вооружение масс именно в этой изо дня в день развивающейся борьбе и состоит.

Рабочие союзы становятся либо слабосильными профессиональными организациями, которые, из чувства соревнования с крупными, подстрекают к необдуманным выходкам, пропагандируют саботаж, короче сказать: дезорганизуют профессиональное движение, либо пропагандистскими сообществами, воодушевленные высоким сознанием своей революционности, но без масс. Но в этом своем качестве пропа-

гандистского кружка они только превращаются в ухудшенное издание коммунистической партии.

Дело обстоит вот как: партия представляет собою организацию политических единомышленников для пропаганды идей и для борьбы за них, когда они овладели массами. Коммунистическая партия может бороться за свои убеждения задолго перед тем, как стать массовой силой. Профессиональный союз есть организация для улучшения положения рабочего класса. Она начинает существовать только с того момента, как становится массовой организацией. В Северной Америке революционые профсоюзы могли возникнуть задолго до войны, потому-что реформистски профсоюзы обособились от наиболее плохо оплачиваемых иностранных иммигрантов. Как массовые организации, они имеют теперь после войны очень большое влияние на пролетариев. По мере того, как Федерация Труда радикализируется, противоречие между нею и J. W. W. будет все больше стушевываться. Издали, имея дело исключительно с сообщениями английской буржуазной прессы, невозможно уяснить себе тактику американских коммунистов в профессиональном вопросе. Можно только сказать, что по нашему мнению американские коммунисты сделали бы ошибку, если бы они из симпатии к I. W. W. предложили бы своим членам во что бы то ни стало выступать из Ф. Т. (F. of L.) и таким образом изолировали бы себя от процесса радикализации говорящей по-английски рабочей массы, которая, главным образом, организована Ф. Т. Если отсутствие подобных известий из Северной Америки делает обязательно их осторожное отношение к американским статьям и заставляет ограничиваться предположениями и догадками, то по вопросу о поведении европейских коммунистов мы можем вполне определенно и без всяких оговорок заявить, что всякие попытки внесения раскола в профсоюзы жесточайшим образом противоречат в Европе интересам капитализма. Это не значит, что расколы в профессиональном движении невозможны. Профсоюзная бюрократия возымеет, быть может, желание— особенно там, где ей будут благоприятствовать обстоятельства—предупредить события и попытаться расколоть союзы, чтобы сохранить за собою кассы. Было бы изменой рабо-

чему делу, отказаться в этом пункте от борьбы, чтобы спасти кассу. Тут-то именно и нужно поднять перчатку. Но тогда массы будут на нашей стороне, потому что они уяснят себе, кто защищает их интересы и кто хочет расколоть и разрушить их организации из корыстолюбия. Тут-то уже не нам, а контр-революционным союзникам будет угрожать обособленность.

На первых порах задача коммунистов в профсоюзах заключается, как мы заметили, в том, чтобы в борьбе за улучшение положения рабочих, которая с каждым днем все больше становится борьбой за свержение капитализма, непреклонно выступать против контр-революционной бюрократии профсоюзов, саботирующей эту борьбу. Это не значит, разумеется, что вопрос о профсоюзах имеет исключительно личный характер и что в них ничего не должно быть изменено, кроме вожаков. Эпоха мировой революции требует больших изменений и в организации и в тактике профсоюзов. В мирную эпоху рабочего движения центр тяжести профессиональных союзов заключался в противодействии конкуренции между рабочими на рынке труда, что достигалось созданием касс вспомоществования, поддерживавших рабочего во время безработицы, между тем теперь эти кассы оказываются бессильными в виду того роста безработицы, которым катастрофа капитализма, связанная с беспрестанными перебоями разрушенного транспорта, с угольным голодом и исчезновением больших, раньше столь восприимчивых рынков, ныне угрожает рабочему классу. Безработица, угрожающая ныне рабочим, угрожает и самой буржуазии, и сколько бы буржуазия ни причитала по поводу того, что после нескольких лет столь прибыльного помещения капиталов, каким была массовая бойня в мировой войне, наступают годы столь непроизводительных расходов, как содержание миллионов безработных,—ей все-таки придется раскошелиться. Там же, где она попробует отказаться, она будет вынуждена к этому огромным движением безработных.

Отмену помощи забастовщикам не удастся провести на теперешней ступени борьбы, но не подлежит ни малейшему сомнению то, что большие экономические движения современем истощают стачечные кассы. Рабочие вынудят пред-

принимателей понести издержки забастовки, угрожая буржуазии, потребуют от коммун пропитания на время борьбы и т. д. Гражданская война будет кормить гражданскую войну, подобно тому, как раньше война кормила войну. Дело клонится к превращению профсоюзов из вспомогательных и страховых касс в боевые организации. Коммунистам придется сознательно содействовать этой тенденции.

Вместе с этим изменением в характере профсоюзов изменится и характер бюрократии. Руководитель союза должен будет быть не административным чиновником, а борцом. Существо профессиональной борьбы точно также сильно изменится. Тогда как в мирное время центр тяжести заключался в уменьи так маневрировать, чтобы возможно меньшие массы находились в состоянии войны, теперь такого рода маневрирование становится не более трудным, хотя и обещает порою кое-какие местные успехи. В решительную минуту понадобится иметь на поле битвы именно возможно большие массы, и задача руководителей будет состоять не столько в том, что вести переговоры с буржуазией, сколько в том, чтобы объединить массы, увеличить их нажим на капиталистическое государство и привлечь к рабочему делу симпатии тех широких народных масс, которые непосредственно не заинтересованы в борьбе, но могут оказать решающее влияние на ее исход. Деятельность Роберта Смайли (Smillel) в публичных заседаниях английской угольной комиссии, или кампании английского профессионального союза горнорабочих за национализацию рудников, являются в этом отношении образцовыми. Они свидетельствуют о том, что снова наступило время, когда руководители профессионального движения должны быть крупными агитаторами и уметь обращаться с массами. Вот почему они и должны оставаться с ними в теснейшем контакте. Руководители профсоюзов могут уподобиться распоряжающемуся сверху генеральному штабу. Они должны возникнуть из низов и быть теснейшим образом связанными с массами через представителей (депутатов) от отдельных предприятий. Если с управлением большими, стихийными движениями хоть сколько-нибудь можно справиться,—а вполне его никогда не удастся провести,— то инициатива должна быстро и без трений доходить от низов,

до руководителей, а массы должны понимать каждый ход этих последних, к каждому должны быть подготовлены.

Борьба все больше будет одновременно приводить на поле битвы рабочих разных профессий и отраслей промышленности. Профессиональная борьба все больше будет превращаться в классовую борьбу. Было бы ошибочным умозаключать по этому поводу к возможности мгновенно превратить профессиональные союзы из объединений по специальностям в промышленные объединения, или даже в одну большую единую организацию. Тот, кто хотел бы дать ныне такого рода задание коммунистическому профессиональному движению, впадает в ошибку, о которой мы уже говорили: смешивать тенденцию с совершившимся фактом. Различие между положением отдельных специальных групп пролетариата еще очень велико, и грациозно перепрыгнуть через вытекающую из этого различия необходимость существования союзов по специальности сможет только тот, кто не имеет ничего общего с конкретной экономической борьбой и вообще не привык утруждать себя размышлениями. Но каждый новый день борьбы и равномерный рост нищеты в рабочем классе, благодаря распадению капитализма, несомненно заставит профсоюзы сначала кооперировать друг с другом, затем все теснее опираться друг на друга и, наконец все, больше сливаться, по промышленным отраслям. Не выставляя на своем знамени организацию промышленных объединений, как предпосылки борьбы, в качестве догмы, коммунисты должны быть в профсоюзах носителями централистской тенденции. В той мере, в какой профессиональная борьба будет фактически становиться классовой борьбой, упомянутые видоизменения организации и тактики профсоюзов смогут быть проведены. В той мере, в какой коммунисты решительно выступят в профсоюзах за обострение экономической борьбы за приспособление профсоюзов к ее потребностям, коммунистическая партия станет душой профсоюзов, а профсоюзы ее телом.

---

8. Рабочие советы и борьба за контроль над производством.

Одним из признаков брожения, охватившего рабочие массы, является то, что они явственно чувствуют потребность в новых родах оружия, в новых организационных формах. Там, где, как, напр., в Германии, социальный кризис зашел уже далеко, поиски этих новых форм идут во вполне определенном направлении: в сторону рабочих советов, не только как формы, в которую выльется будущая диктатура пролетариата, но как организационной формы борьбы за эту диктатуру. Но даже там, где советская идея не вырастает из стремления к диктатуре, где широкие рабочие массы стоят еще на почве демократической идеи,— как, напр., в Англии, по существу родственные тенденции все-таки пробиваются наружу, напр., в виде движения торгового пролетариата (ward shoptes). Советская идея сыграет еще огромную роль в развитии мировой революци, хотя это и не будет простым повторением той роли, которую играли солдатские и рабочие советы в России перед победой пролетариата. То обстоятельство, что западные коммунисты не замечают этого отличия, затрудняет их работу по сознательному созданию советов,— больше того, непонимание истинной роли советов ведет к полной путанице в вопросе о функциях профсоюзов и их отношении к советам. Покамест приходится основывать свои воззрения на роль советской идеи в дальнейшем развитии мировой революции только на опыте России и Германии. В этой последней последствия недостаточно сознательного отношения к вопросу так отчетливо бросаются в глаза, что размышление над немецким опытом избавит коммунистов других стран от очень значительного количества напрасных поисков и ошибок.

В мартовскую революцию 1917 г. русские рабочие обратились к образованию советов не по недостатку в других организациях: недаром они достигли одновременно и быстрого расцвета профсоюзов. Рабочие массы обратились к советам, потому что революция настоятельно подсказы-

вала им необходимость организоваться как класс. Партия всегда привлекает только наиболее сознательных и подготовленных. Она указывает на длинный путь, на широкие горизонты, предполагает известную степень пролетарской сознательности. Профсоюз апеллирует к самым непосредственным потребностям массы, но он организует их по ремеслам, в лучшем случае по промышленным отраслям, а вовсе не как класс. В период мирного развития только передовые ряды пролетариата „сознательны", т.-е. сознают себя как класс, именно те, которые примыкают к партии. Партия, олицетворяющая будущность класса, является вместе с тем и их классовой организацией. Ведь все они представляют себе будущность своего класса приблизительно так, что все рабочие станут членами социалистической партии, после чего пробьет, наконец, час победы над буржуазией. А между тем революция заключается как раз в том, что широчайшие слои пролетариата, остававшиеся до сих пор чуждыми политики, выходят из состояния спокойствия. Они пробуждаются, жаждут деятельности, целый ряд различных буржуазных и социалистических партий обращается к ним,—различных не только в отношении преследуемых ими целей, но и со стороны предлагаемых ими путей. Рабочий класс инстинктивно чувствует, что он может победить только как класс. Он стремится организовать себя как класс. И это чувство,—сознание, что он может победить только как класс, что старания отдельных его частей, группирующихся вокруг отдельных партий, ни к чему не приведут,—настолько сильно, что при полной свободе партийной агитации даже наиболее передовые слои рабочего класса, намерения которых опережают временные желания их класса, в решительную минуту подчиняются постановлениям классовой организации. Они поступают так из ясного понимания существа пролетарской революции. В эпоху мирного развития передовые отряды пролетариата ставят себе узко ограниченные политические цели, вовсе не требующие для своего осуществления напряжения сил всего класса. Революция ставит в порядок дня вопрос о захвате власти. А этого уже не достигнешь силами одного только авангарда. Ему приходится выжидать, пока за ним

последуют рабочие массы, пока достаточно определится их воля к власти благодаря его агитации и их собственному опыту. Русские большевики составляли в начале незначительное меньшинство не только в солдатских, но и в рабочих советах. Они подчинялись постановлениям советов, в которых господствовали сторонники коалиции с буржуазией, и в то же самое время выдвинули свой лозунг: вся власть—советам. Меньшевики язвительно замечали по этому поводу, что ведь сами советы против захвата власти. Но современем решающее большинство советов все-таки стало на точку зрения большевиков и осуществило именно как представительство класса лозунг: вся власть—советам. Таким образом рабочие советы оказались той почвой, на которой произошло объединение рабочего класса, не потому, что „советская система" сама по себе обладает объединяющим свойством, а потому, что советы отражали постепенное объединение пролетариата под влиянием обострения классовых противоречий.

Потребность в такого рода органе, отражающем развитие, меняющуюся волю пролетариата, возникает среди рабочего класса повсюду, где он начинает инстиктивно чувствовать, что обострение классовых противоречий требует от него единства классовых действий. Вот почему в ноябрьскую революцию в Германии фактически не замечалось сильного массового стремления к образованию рабочих советов. Ведь власть досталась рабочим без особой борьбы, благодаря разгрому королевско-немецкого правительства под ударами войск Антанты. Советы образовались главным образом благодаря соглашению между социал-демократами большинства и независимцами,—т.-е. между партиями, являвшимися противниками диктатуры советов. Они воспользовались этой фирмой, пользовавшейся благодаря своей революционности популярностью среди рабочих и солдатских масс, для того, чтобы с ее помощью скрыть то обстоятельство, что они устанавливают господство партийной бюрократии и профсоюзов. Но молодая коммунистическая партия, стиснутая между обеими этими большими партиями, все-таки старалась не дискредитировать советскую идею, а, напротив, показать рабочим, чем она в действительности

является; даже тогда, когда одна какая-нибудь партия господствует в советах, имея за собой массы, советы должны быть представительством рабочей массы по предприятиям, а не от партий, распределяющих между собой места в совете по соглашению. Немецкая коммунистическая партия хотела добиться большинства в советах с помощью терпеливой работы, при условии свободной агитации, но не пыталась захватить власть за спиной советов. Она хотела выкристаллизовать волю рабочих масс, вот почему она приняла советы. Но развитие шло в Германии не так, как в России, частью благодаря опыту русской революции, частью вследствие различия в международном положении России 1917 г. и Германии 1918. Немецкая буржуазия и ее социал-демократические лакеи научились именно на опыте русской революции, что действительно демократически выбранные представители фабрик и заводов оказываются зеркалом, отражающим объединенную волю рабочего класса. Больше того: что взаимодействие партийных частей рабочего класса на советской почве, длительные заседания рабочего парламента только ускоряют образование объединенной воли пролетариата. Вот почему буржуазия и шейдемановцы, едва только достигнув власти, первым долгом решили помешать созданию органов пролетарской воли, подвергая советы полицейским преследованиям и стремясь взорвать их изнутри.

В значительной своей части этот план удался, благодаря тому обстоятельству, что ноябрьская революция означала капитуляцию перед Антантой и повела к демобилизации армии. В России первый период революции был заполнен борьбою за мир, при чем армия была больше всего заинтересована в мире. В противоположность к буржуазии и к офицерству, желавшим проположения войны, солдатская масса примыкала к солдатским советам и защищала рабочие советы. В Германии рабочие советы этой защиты не имели, и, превратив остатки империалистической армии в наемное войско, буржуазия смогла задушить рабочие советы, как всеобщее представительство рабочего класса.

В немецком рабочем классе тем не менее все больше укрепляется советская идея,— по мере растущего разочаро-

вания в буржуазной „демократии". Даже в рядах Независимой социал-демократии она приобрела горячих приверженцев, т.-е. в партии, которая помогала шейдемановцам в декабре 1918 г., перевести власть из рук пролетариата в руки буржуазии. В вожаке левых независимцев, Деймиге, советская идея нашла упорного, готового на самопожертвование защитника, и массы рабочих-независимцев последовали за ним. Но оппортунистический характер независимой с.-д. не мог не отразиться и на ее лучших вождях, невольно подсказывая им такую точку зрения на советский вопрос, которая сама собою приводила их борьбу за советское дело к оппортунистической колее. Под руководством Деймига берлинский исполком пытался предупредить разгром советов капиталистической диктатурой и даже найти путь к дальнейшему укреплению советов, отказываясь „пока" от политической борьбы советов, как всеобщего представительства рабочего класса, стараясь планомерно раскинуть целую сеть чисто экономических советов,—фабрично-заводских,—не делая их, однако, объектом революционной борьбы. Деймиг и его друзья приноравливают с большой старательностью организацию фабрично-заводских комитетов к общей структуре немецкой промышленности. С помощью статистической переписи рабочих, занятых в одной какой-нибудь отрасли промышленности, они стремятся подготовить выборы в такого рода планомерно организованные фабрично-заводские комитеты. Деятельность Деймига и его друзей не пройдет бесследно, но мы боимся, что она приходится только производственного совета немецкой советской республики. Так как немецкая буржуазия не придает никакого значения тому, чтобы быть „социализированной" добропорядочным, экономически хорошо обоснованным образом,—она предпочитает, по своему невежеству, по-прежнему властвовать, то мысль о возможности спокойной, систематической организации фабрично-заводских комитетов, о делении революции на два периода: период методического и беспрепятственного установления хозяйственного аппарата и период заключительной политической борьбы, является попросту оппортунистической утопией. Капиталистическая диктатура, удушающая политические рабочие советы, не дает

спокойно развиваться и фабрично-заводским советам: она разогнала берлинский красный исполком и отменила выборы в фабрично-заводские комитеты.

Какие выводы напрашиваются из этой истории развития и могут ли они иметь какое-либо значение за пределами Германии? Нам кажется, что опыт немецкой революции подсказывает следующие выводы, действительные и для других капиталистических стран: рабочие советы, как всеобщие органы пролетариата, являются продуктами революции, восстания пролетарского класса. Если этому восстанию не сопутствует растущее стремление пролетариата осуществить свои классовые цели, то старания образовать рабочие советы не могут принести революции особой пользы: искусственно образованные советы вовсе не охватывают всю рабочую массу, собрание рабочих представителей в одном каком-нибудь помещении вовсе не образует представительства рабочего класса, так как таковое возникает, как политический фактор, только в процессе революционной борьбы.

Наоборот, они только помогают порою контр-революционным социал-демократическим партиям внести сумятицу в рабочие массы, ибо предательская политика социал-демократии как бы приобретает их помощью доверенность от рабочего класса. В период возрастания революции будут возникать и тенденции к образованию и рабочих советов вместе с ростом боевой воли пролетариата на политической, точно так же как и на экономической почве. Буржуазия попытается сделать их невозможными. Попытка образовать их окольным путем, добиться молчаливого попустительства со стороны буржуазии ценою суживания поля их деятельности и отказа от революционности есть оппортунистический маневр, который либо будет предупрежден буржуазией, способной просто на просто запретить существование советов, либо внесет еще большую путаницу в ряды рабочего класса, если буржуазия окажется более терпимой: чтобы продержаться таким рабочим советам пришлось бы избегать всего, что может раздразнить буржуазию, они выродились бы в игру в советы, которая способна была бы благодаря своей бесполезности только скомпроме-

тировать советскую идею в глазах рабочего класса. Когда рост революционности укрепляет в рабочем классе тенденцию к образованию рабочих советов, тогда именно необходимо обратиться к революционной массовой борьбе за советскую организацию. Она сможет стать жизнеспособной, сделаться боевой организацией только в процессе борьбы рабочего класса.

Можем ли мы надеяться установить советскую систему в капиталистических странах до захвата политической власти, до разгрома буржуазии?

Это будет зависеть от того пути, который изберет буржуазия под влиянием возрастающего напора пролетариата. Там, где она будет слаба и вынуждена будет, либо вследствие невозможности противостоять ему, либо в надежде расколоть его уступками, предоставить ему некоторую свободу действия, там пролетариату придется упорно стремиться вперед, создавать фабрично-заводские советы, объединять их в производственные советы для того, чтобы осуществить контроль над производством, о котором еще будет речь ниже, ему придется создавать общеполитические рабочие советы для того, чтобы объединить с их помощью волю рабочего класса, устремить ее к центральным пунктам атаки и противопоставить буржуазным парламентам. Это, по-видимому, возможно в настоящее время, например, в Германии и в немецкой Австрии. Однако и в этих странах положение может измениться. Буржуазия может собраться с силами и попытаться насильственными мерами подавить рабочее движение. Но совершенно очевидно, что чем энергичнее пролетариат использует и кратчайшие промежутки времени для того, чтобы организоваться как класс, тем труднее будет для буржуазии разгромить эти классовые организации. И далее, если ей временно удастся это сделать, то новое наступление пролетариата произойдет тем сильнее и решительнее, чем глубже будут следы, оставленные в пролетариате эрой революционных рабочих советов. В большинстве капиталистических стран не приходится однако рассчитывать на политику уступок со стороны буржуазии.

Бешенство реакции, попытки обессилить пролетариат кровопусканиями гораздо более вероятны, как об этом сви-

детельствует озлобленная реакция в Соединенных Штатах Северной Америки, в Германии и объединение французской буржуазии вокруг Клемансо. Не делает ли это невозможным возникновение советов? Поскольку дело идет о „мирном и систематическом" строительстве, о котором мечтают немецкие независимцы, постольку мы уже отметили, что это есть оппортунистическая утопия. Но это не значит, что нужно вообще поставить крест над самым существованием советов. Когда волна революции повышается, то возможно и желательно даже нелегальное существование политических рабочих советов, как местного представительства пролетариата, хотя они, разумеется, не в состоянии так же точно отражать настроение рабочей массы, как они это делают во время своего легального существования. Во время обостренной борьбы пролетариата, возрастания его революционной энергии и одновременного роста усмирительных мероприятий капиталистических правительств, гораздо большее политическое значение приобретут фабрично-заводские комитеты, с которыми труднее будет расправиться.

Если бессознательные, синдикалистски настроенные элементы хотят заменить профессиональные союзы фабрично-заводскими комитетами, то это только значит, что они вместе с тем оставляют и всякую мысль о централизованной организации экономической борьбы пролетариата.

Вполне очевидно, что создание новых революционных организаций, способных охватить всю рабочую массу, не только по отраслям промышленности, но и по хозяйственным областям, является безнадежной утопией, пока существует капиталистическая диктатура.

Пренебрежение профсоюзами, как уже существующей экономической организацией одной части рабочего класса, привело бы, стало быть, только к тому, что фабрично-заводским комитетам пришлось бы вести чисто случайную местную борьбу в зависимости от положения в каждой отдельной фабрике или, в лучшем случае, в группе близлежащих фабрик. Однако, относясь совершенно отрицательно к отказу от реорганизации профессиональных союзов, их приспособления к потребностям революционной эпохи, не следует упускать ни на одну минуту из виду той роли, которую могут

сыграть фабрично-заводские комитеты, если реакция попытается сокрушить профессиональные союзы. Именно исходя из того предположения, что профсоюзы могут, благодаря напору массы, стать организациями революционной экономической борьбы пролетариата, нужно рассчитывать, что правительства начнут прибегать к ожесточенным преследованиям и даже к разгону профсоюзов. Опыт последней большой стачки горнорабочих в Соединенных Штатах Северной Америки (октябрь 1919 г.) показал, что достаточно профессиональному союзу, принадлежащему к одному из наиболее умеренных в предводительствуемой Гомперсом федерации труда, затронуть своей стачкой какую-нибудь жизненную артерию капиталистического государства, чтобы это последнее запретило вожакам профсоюзов руководить стачкой и конфисковало кассу профсоюза. А мы ведь находимся в самом начале борьбы.

Там, где во время этой борьбы будут разрушены профессиональные союзы, будет невозможна централизация борьбы, но не самая борьба. Она приобретет только еще более внезапный характер, будет протекать еще более бурно. Местные фабрично-заводские советы будут руководить ею и стараться ценою каких угодно жертв поддерживать единодушие в массах. Если коммунисты должны стремиться к тому, чтобы поддерживать существующую еще возможность центрального руководства экономической борьбой и бороться поэтому против всяких попыток разрушить аппарат профессиональных союзов, то было бы в высшей степени пагубным, если бы они вместе с тем не поддерживали теперь уже все старания, направленные к тому, чтобы обеспечить профессиональным союзам надежную опору в фабрично-заводских комитетах везде, где только это возможно.

Но развитие фабрично-заводских комитетов было бы, очевидно, очень затруднительно, если бы при этом дело шло только о создании будущего организационного резерва. Массовые организации не создаются на основе надобности будущего: массы действуют только под влиянием уже сознан-

ных потребностей. Вот почему необходимо обратить внимание на второй источник советского движения и опереться на необходимость, которая все более начинает восприниматься рабочими массами.

Мы говорим о роли фабрично-заводских комитетов, как органах контроля над производством.

В „нормальное“ время капиталистического господства рабочий класс является таким же элементом производства, как и машины. Им распоряжаются в процессе производства, он же не смеет распоряжаться производством. Даже в наиболее смелых мечтах своих о „фабричной конституции“ реформисты не думали о том, чтобы предоставить рабочему классу право с своей стороны иметь решающий голос в вопросе о том, как и что должно производиться. Они стремились только к участию рабочего класса в разрешении вопросов о заработной плате и рабочем времени, охране труда, социальном обеспечении и, в лучшем случае, приеме и увольнении рабочих. И сам пролетариат не испытывал никакого интереса в вопросах производственного строительства. Наборщику было безразлично, набирает ли он Библию или порнографические рассказы, текстильщику было все равно, производить ли ткани для прикрытия наготы безнравственных негров или для оголения холеного тела моральных дам. Он заботился только о возможно более высокой заработной плате, чтобы иметь возможность покупать то, в чем он нуждался. Теперь дело обстоит иначе. Если горнорабочие прирейнской Вестфалии принуждены жить в холодных бараках потому, что не хватает угля для обжигания кирпичей, необходимых для постройки домов для горнорабочих, в то время, как уголь имеется в изобилии для производства предметов роскоши, для кинематографов и кофеен, то горнорабочие начинают понимать, что они заинтересованы в контроле над тем, для кого они производят уголь. Если английская буржуазия повышает цену на уголь на 6 шиллингов за тонну, нисколько не увеличивая заработной платы горнорабочих, то этим последним становится ясно, что они заинтересованы в установлении твердых цен на уголь. Если немецких железнодорожников делают ответственными за разруху транспорта, то у них возникает интерес проконтроли-

ровать, сколько новых локомотивов и вагонов поставлено на рельсы, сколько сдано в ремонт и как велика сумма, полученная железными баронами за поставку необходимой для этого стали. Если фабрики закрываются якобы из-за недостатка сырья или отсутствия заказов, то рабочие имеют жизненнейший интерес в том, чтобы убедиться, нет ли здесь саботажа со стороны капиталистов, закрывающих фабрики для того, чтобы выйти сухими из воды, т.-е. чтобы тайком переправить свои капиталы за границу. И, наконец, когда помещики и кулаки припрятывают продукты в то время, как городское население голодает, когда сельские рабочие встречают ожесточеннейшее противодействие при малейшей попытке улучшить свое бедственное положение и видят себя вынужденными прибегать к забастовкам, после чего их же делают ответственными за голодание города,—то не заинтересовано ли большинство граждан в том, чтобы советы сельских рабочих контролировали условия сельскохозяйственного производства?

Все эти явления свидетельствуют о том, во-первых, что объективная заинтересованность пролетариата в возможности вполне обозреть условия производства не только очень велика, но и что она становится пролетариату с каждым днем все яснее; во-вторых, что при этом речь идет не только об интересах промышленного пролетариата, но и об интересах подавляющего большинства интеллектуального пролетариата и мелкой буржуазии, попавших вследствие войны в чрезвычайно затруднительное положение. Для коммунистических партий отсюда напрашиваются весьма важные выводы. Во-первых, им представляется возможность развить борьбу за улучшение положения отдельных частей рабочего класса в борьбу за контроль над производством. Во-вторых, отражая при этом интересы громадного большинства населения, они показывают всему трудящемуся и нуждающемуся народу, что пролетарское движение означает не искусственно вызванную борьбу за интересы одних только промышленных рабочих, а борьбу за хлеб, свет и тепло для широчайших слоев нации.

Если нам удастся при посредстве агитации и пропаганды действием внедрить это обстоятельство в сознание народных

масс, то мы создадим вокруг борющегося пролетариата атмосферу, в которой капиталистическим правительствам трудно будет задавить и затоптать стремление рабочих к образованию фабрично-заводских комитетов, к контролю над производством.

Отсюда ясно, насколько вредна агитация саботажа, распространяемая бессознательными революционными элементами. Кичась своей особенной революционностью, они не замечают, что их отправным пунктом является убеждение в том, будто капитализм в состоянии настолько улучшить положение масс, что поток революции сам собою иссякнет, если мы искусственно не разрушим капиталистического механизма. И результатом агитации саботажа является то, что капитализм получает возможность возложить ответственность за хозяйственную анархию, за нищету масс на революционных рабочих. Капитализм виноват в том, что рабочие массы, изнуренные четырехлетним лежанием в окопах и недостаточным питанием, обладают теперь меньшей рабочей силою, чем до войны. Капитализм виноват в нынешнем недостатке средств производства, ибо он в течение четырех долгих лет заставлял производить не инструменты труда, а орудия разрушения.

Капитализм виноват в том, что большие пространства земли теперь разрушены, а их население теперь скитается без крова и работы. Коммунистический пролетариат выступает как строитель, а не как разрушитель нового мира. Если он и хочет что-либо разрушить, то только бараки нищеты, каторжные дома рабства. Ему только потому приходится разрушать в своей борьбе и культурные ценности, что капитал изо всех сил цепляется за свое право продолжать эксплоатацию израненного, окровавленного, покрытого рубищами человечества.

Борьбу за фабрично-заводские комитеты, стоящие на страже интересов широких масс, необходимо вести с величайшей энергией во всех странах. Борьба за фабрично-заводские комитеты и борьба фабрично-заводских комитетов за контроль над производством приведет к следующему результату: она покажет рабочим и широкой публике, что ни фабричному

пролетариату, ни широким слоям мелкой буржуазии не представит существенных выгод, если пролетарий добьется в отдельных фабриках контроля над производством. Для того, чтобы этот контроль привел к разумному хозяйственному плану, направленному к удовлетворению массовых потребностей на основе наличного сырья и средств производства, необходимо объединить по промышленным группам и централизовать опыт всех фабрично-заводских комитетов. Отдельные, свободные, самостоятельно действующие фабрично-заводские комитеты недостаточны, необходимо их организовать в общенациональные масштабы. Правительство, противоречащее этому, желает увековечить капиталистическую бессистемность, хозяйственный хаос и капиталистическую эксплоатацию народных масс.

В то время, как „система советов хозяйства, декретированная сверху какой-нибудь отдельной группой, остается для рабочих масс только куском печатной бумаги, а в глазах непромышленного населения представляется только агитационным средством оторванных от жизни мечтателей, требование советской организации поскольку оно вырастает из опыта повседневной борьбы фабрично-заводских комитетов в каждой отдельной фабрике, конкретно обнаруживающих в процессе борьбы свою пригодность в качестве практического средства против нищеты, является экономической необходимостью.

Это не означает, что капиталистическое правительство должно склоняться перед ним,—ведь оно в сущности только и живет борьбою против жизненных интересов массы, но это значит, что проводимая таким образом наша борьба за фабрично-заводские комитеты глубоко вкореняет их и в потребностях и в сознании масс. Где она увенчивается успехом, где рабочие достигают хотя бы частичного контроля над производством и ближе знакомятся с его условиями, там создается главнейшая предпосылка для их будущей роли в качестве руководителей производства. Они знакомятся с промышленными предприятиями. Разумеется, это не может быть достигнуто тем путем, на который правительства пытаются завлечь народные массы, жаждущие

освобождения человечества от капиталистического гнета, когда отдельных рабочих при случае пускают в приемную акционерных компаний, где им под величайшим секретом показывают балансы предприятия. Дело идет о том, чтобы превратить фабрично-заводские комитеты в органы публичного контроля, чтобы дать им возможность бороться с помощью приобретенных таким образом сведений в интересах народа против интересов капиталистической наживы.

Борьба фабрично-заводских комитетов за контроль над производством приведет во всяком случе к тому, что вопрос о завоевании политической власти станет для большинства народа на очередь дня, как вопрос желудка. Достаточно будет правительствам преградить пролетариату дорогу к контролю над производством, затрудняя образование фабрично-заводских комитетов и препятствуя их объединению, чтобы рабочему классу стало ясным то обстоятельство, что не только распоряжение средствами производства, но даже лишь надзор за ними станет для него возможным только тогда, когда он сломит диктатуру капитала и захватит государственную власть в свои собственные руки. Там же, где рабочий класс достигнет контроля над производством, перед ним, по мере того, как он будет его осуществлять, встанет вопрос: что же дальше? Как преодолеть анархию производства, прекратить расточение ценностей в то время, когда народные массы испытывают нужду в необходимейшем? Таким образом вопрос о пролетарской диктатуре, как средстве овладевать производством и руководить им в интересах народных масс, будет практически поставлен на очередь.

Лозунг контроля над производством фабрично-заводских комитетов, как бы „минималистски“ он ни звучал, является революционным лозунгом переходного времени потому, что, исходя из простейших потребностей народных масс, он организует их передовые ряды, промышленный пролетариат, вводит их в святое святых капитализма, в тайники его производства и ведет к борьбе за овладение производством, т.-е. за диктатуру пролетариата. Если борьба рабочего класса за власть будет продолжаться более или менее долгое время, то этот лозунг явится осью

пролетарской борьбы и той точкой, вокруг которой сконцентрируется энергия пролетариата.

---

9. Интеллектуальный пролетариат и коммунизм.

Опыт русской революции показал, что достигший власти пролетариат не в состоянии обойтись без интеллектуального общественного капитала, кристаллизованного в интеллигенции (техниках, врачах, агрономах и ученых). Он не сможет обойтись без них и в странах высоко развитого капитализма. Не взирая на хвастовство „цивилизованных" стран достигнутою ими степенью культуры, действительная культура народных масс этих стран очень низка; они взяли свое знание, свои организаторские способности от капитализма с боя: оно касается больше борьбы против капитализма, чем учения руководить государственными и хозяйственными предприятиями, бывшего привилегией правящих классов, осуществление которой они по большей части предоставляли наемной интеллигенции. Рабочий класс достигнет полного уменья в управлении производством только в процессе социальной революции. Он будет, стало быть, в капиталистически развитых странах не меньше, чем в России, вынужден использовать для социалистического строительства интеллектуальные силы, оставленные ему капиталистическим обществом. Из этого следует, что коммунистические партии должны теперь уже в интересах пролетарской революции сделать все возможное для того, чтобы привлечь к делу рабочего класса возможно более значительные слои интеллигенции. На Западе условия благоприятствуют этому гораздо более, чем в России, несмотря на революционные традиции, существовавшие в русской „интеллигенции". Русская интеллигенция была революционной в пред-капиталистическое время, когда она изнывала под варварским гнетом царистского феодализма и бюрократизма в своем качестве носительницы западной цивилизации. Она исповедовала социализм, приспособляя его формы и содержание к тем классам, в которых она в каждом данном случае видела возможных борцов против

царизма: она была „народнической“, когда крестьянство казалось ей такого рода борцом, сделалась марксистской, когда на арену борьбы вышел русский промышленный пролетариат. Но чем больше буржуазия превращалась из невежественного, суеверного купца в современного буржуа, с его либеральными стремлениями, чем больше процесс капиталистического развития прямо брал к себе на услужение интеллигентские массы, открывая перед ними перспективу общественного почета, тем более увеличивались кадры интеллигенции, отворачивавшиеся от социализма и обращавшиеся к либерализму. Это вылилось уже в последнем десятилетии 19 столетия в форму бернштейнианства, в первом десятилетии 20-го столетия—в форму философского идеализма, после революции 1905—1907 гг.—в форму меньшевистского ликвидаторства, кадетского „вехизма“ („Вехами“ назывался сборник статей интеллигентов, решительно порвавших с революционными традициями русской интеллигенции). Война 1914—1917 гг. дала интеллигенции возможность заполучить в свои руки значительную часть общественной власти, поступив на службу к различным общественным организациям по обслуживанию фронта. Мартовская революция открыла перед ними возможность полного господства над псевдо-демократическим мужицким государством. Ноябрьская революция 1917 г. свела все эти перспективы на нет. К этому присоединились еще два обстоятельства. Интеллигенты, видевшие въ русской революции только варварское отражение военного разгрома, но не замечавшие в ней начала мировой революции, не верили в то, что рабочее правительство вообще сможет удержаться. К тому же рабочая революция, прошедшая сквозь чистилище Брестского мира, унизила их национальное самосознание. Вот почему интеллигенция, как класс, была заядлым противником рабочей революции. Рабочему классу пришлось со всей решительностью сломить ее сопротивление, нанести ей тысячи ран, прежде чем попытаться использовать ее услуги.

На Западе положение совершенно иное. Интеллигенция находится здесь не на подъеме, а на уклоне истории. Если развитие капитализма превратило ее еще до войны в свою рабыню, то результат войны лишает ее даже рабской уве-

ренности в том, что рабовладелец и завтра будет еще кормить ее как дорогое рабочее животное. Растущая дороговизна делает положение всех техников, врачей, вольнонаемных государственных служащих, которым не посчастливилось занять руководяших должностей, все более невыносимым. В то время, как заработок их остается неизменным, цены на продукты все повышаются. Положение интеллектуального пролетариата, живущего продажей своей умственной силы, писателей, журналистов, художников и т. д., гораздо хуже, чем положение промышленного пролетариата. В побежденных странах интеллигенция, являвшаяся до сих пор главнейшей носительницей национальной мысли, пережила полные сумерки своих богов. До поры они утешали себя империалистическими перспективами: империализм, долженствовавший подчинить родному капиталу новые, громадные пространства, должен был и им предоставить возможность свободного применения своих сил. Все эти мечты пошли прахом: немецкая нация, предмет их гордости, должна стать удобрением для англо-саксонского капитала. Некоторые интеллигенты надеются предотвратить это ирредентизмом, национальной борьбой. Это граничит с реакцией. Другие понимают всю безнадежность всякой идеи реванша. Чтобы немецкая нация воспрянула из своего унижеиия, избежала участи всемирного пария, должен измениться весь мир. Нужно стать на сторону тех, кто способны достигнуть этого, способны объединить весь мир в дружном строительстве. Часть интеллигенции центральной Европы находится в состоянии сильного брожения. Она еще не выяснила себе, в чем дело. Но уже пробуждается от своего националистического сна, начинает преодолевать индивидуалистическую дурь.

Иначе, но не менее глубоко проходит духовный кризис среди лучшей части интеллигенции во Франции, Англии и Америке. Сыны империалистически насыщенных стран боролись в этой войне за демократию, за новый, мирный миропорядок, в котором сила мысли призвана была сменить грубое насилие. Не из одного только лицемерия эти элементы боролись против анти-военного социализма и клали пацифизм на время войны под сукно: они надеялись победоносно пройти сквозь красное море войны прямехонько

к более справедливому общественному строю. Теперь их идол — Вильсон — лежит в состоянии не одного только физического паралича, жалкий комочек, разбитое суденышко их надежд. На сцене господствует фигура старческого тигра, символа политики реванша, чреватой новыми войнами, фигура Винстона Черчилля, забубенной военной головушки, делающего погромы деникинской банды висельников и поджигателей знаменем английского либерализма, в чем ему секундирует вся желтая капиталистическая пресса. Ллойд-Джордж — „обновитель английского либерализма" — трепещет в сетях консервативного империализма, и если со страниц руководящих органов английского либерализма, со столбцов „Nation" или „Manchester Guardian" раздается голос последних остатков буржуазной рассудительности, то только для того, чтобы можно было констатировать, что он есть голос вопиющего в пустыне. Перед глазами англо-саксонских победителей тысячами умирают дети восточной и срединной Европы, в то время как Америка обладает еще достаточным количеством запасов, а новые цезари организуют кордоны смерти, шлют оставшиеся после войны шрапнели и газовые бомбы в Россию, чтобы избавить с помощью этих продуктов, для которых нет другого рынка, русских рабочих и крестьян от всяких забот о хлебе насущном (в кассовых книгах освободителей русского народа все это вносится по военным ценам для того, чтобы русский народ впоследствии сумел оценить свое освобождение и — заплатить за него потребные проценты). Надо было бы отчаяться в человечестве, если бы можно было усомниться в том, что подобное состояние европейской „культуры" неминуемо толкнет лучшие элементы интеллигенции в ряды мировой революции.

Коммунистические партии должны обратиться к этим слоям, рассеять их предрассудки и сделать их нашими сознательными сотрудниками. Они бесприютны, потому что их духовная родина опустошена и сожжена. Нужно широко раскрыть перед ними ворота коммунистического храма, который всегда служил человечеству убежищем в эпохи кризисов. Нужно рассчитывать, что разрыв с буржуазными навыками мышления и чувствования будет нелегок и про-

изойдет не сразу. Коммунистическому интернационалу придется следить за тем, чтобы отразить все симптомы ослабления идеи пролетарской борьбы, духовной дезорганизации. Мы не хотим привлечь эти интеллигентские элементы ценою идейных коммпромиссов, льстя их предрассудкам. Наоборот, нужно им наперед сказать, что они не спускаются как носители духа к тупой массе, ожидающей спасителя. Рабочие массы должны сами освободить себя, сами создать те звезды, которые будут освещать над ними путь к освобождению. Но и интеллектуальные пролетарии принадлежат к этому народу, созидающему новый мир. Они нужны ему подобно тому, как и сам этот народ, лишенный формальной образованности, им нужен для того, чтобы их мысли и чувства очистились от всяческой скверны, приставшей к ним со времен капиталистического проституирования своих способностей. Если нам удастся присоединить к себе лучшую часть интеллигенции, то тем легче нам будет приспособить к новым заданиям в интересах народного дела интеллигентскую массу, приходящую к рабочему классу в погоне за пропитанием.

Пролетарская диктатура ничем не угрожает интеллигенции. Подобно тому, как она является составной частью неимущей, страдающей массы, она может стать и отрядом организованно господствующего пролетариата. Сделается ли она таким отрядом, будет зависеть от нее самой, но и от нашей собственной работы в ее рядах.

---

10. Коммунистическия партии и колеблющиеся элементы социализма.

Борьба против мнимо социалистических партий старого интернационала, стоящих на почве коалиции с капиталистами, является частью нашей непримиримой борьбы против капиталистического порядка, которому они служат виднейшей опорой. Об этом не может существовать среди коммунистов никаких сомнений. Борьба должна вестись до полного уничтожения этих партий. Они оказываются опаснейшими врагами пролетарской диктатуры.

Но между нами и этими партиями стоят промежуточные партии, которые признают классовую борьбу (и даже диктатуру пролетариата подобно немецким независимцам или французским лонгетистам), но только не могут решиться примкнуть к коммунистическому интернационалу, предпочитая вести переговоры с лакеями буржуазии и ее генералами о восстановлении интернационала. Корни этого колеблющегося социалистического центра, его деморализующую и развращающую роль в процессе мировой революции, достаточно полно освещают резолюции учредительного съезда коммунистического интернационала. Теперь нам нужно только рассмотреть, в каком направлении эти партии развивались за последние месяцы. Так как в противоположность коммунистическим партиям и группам они пользуются в своем качестве „умеренной оппозиции" благами легальности, и отражают—хотя немного под сурдинку—растущую оппозиционность народных масс, то они значительно расширились за последнее время. Прилив массы в их ряды привел вместе с тем в немалое смущение вожаков. Группирующиеся вокруг них массы определенно коммунистически настроены, частью даже сознательно коммунистичны. При этом они восторженно приветствуют коммунистический интернационал, с радостью становятся на его точку зрения и принуждают центровые партии к сближению с третьим интернационалом. Вожакам приходилось шаг за шагом уступать натиску масс, усвоивать себе коммунистические лозунги. Они только пользовались социальной невышколенностью масс для того, чтобы с помощью всякого рода хитроумных формулировок изменять революционное содержание этих лозунгов. Таким образом немецкие независимцы и договорились до лозунгов, описанных во второй главе настоящей работы: сочетание органов пролетарской диктатуры с диктатурой капиталистической, затем лозунг диктатуры без терроризма. Все это показывает, что руководители центра (в Германии Гильфердинг, Дитман, Генке) намерены в каждой революционной ситуации выдавать пролетариат головою буржуазии, как они это и сделали в ноябре 1918 г. В то время, как ныне они высказываются в Германии против коалиции, в немецкой

Австрии наиболее радикальные из этих центровиков (Ф. Адлер, Бауэр) ратуют за коалицию с антисемитской партией, идут за-одно с наиболее скомпрометированными, ими же самими заклейменными социал-патриотами. Фридрих Адлер рука об руку с Карлом Реннером, этим защитником не только черно-желтой, королевско-императорской габсбургской монархии, но и немецкого империализма! И этот союз центровика, ставшего террористом из отвращения к позору своей партии, с присяжным бардом этого позора и разложения, защищается и прославляется в органах германской независимой социал-демократии, берлинской „Freiheir“ и „Leipziger Volkszeitung“,—кто же поверит после того, что немецкие центровики всерьез выступают против коалиции с буржуазией и возмущаются шейдемановщиной? И кто усомнится в том, что завтра английская рабочая партия (Labour Party) укрепится в палате общин, и если английские либералы сочтут для себя более выгодным объединиться с нею, чем с консерваторами, то во главе подобного союза станет не только Артур Гендерсон, но и Рамзей Макдональд? С интеллектуальной стороны сокровеннейшая сущность центра заключается в том убеждении, что пролетариат, по крайней мере теперь,—еще не в состоянии самостоятельно овладеть властью и управлять миром. Капитализм должен сначала утучнить истощенную землю, после чего грядущая мировая революция, во время которой центровики решились придерживаться самой непреклонной революционной политики, расправится с ним. Такая точка зрения основывается на том обстоятельстве, что старые вожаки независимцев (разумеется, с некоторыми исключениями) привыкли к безмятежному, мирному житию, при котором им ничем не приходится рисковать. Они могут быть борцами и поэтому отказываются верить в то, что время борьбы уже наступило. В социальном отношении они стоят на той же ступени, что и Шейдеман, Гендерсон, Ренодель. Поэтому они и стремятся постоянно к компромиссу с ними. Если бы даже их партии и примкнули к третьему Интернационалу, оставив этих вождей у руля, то они сделались бы организаторами всяческой смуты, носителями разложения в рядах коммунистического Интернационала. Но массы коммунисти-

чески мыслящих членов центровых партий выдвигают тем временем новых руководителей, не вылупившихся еще вполне из яйца, но обладающих несомненным революционным волеустремлением.

Что должны предпринять коммунистические партии и группы в виду этого процесса? Формула учредительного съезда коммунистического Интернационала: „необходимо во что бы то ни стало отколоть с помощью беспощадной критики и разоблачения вожаков революционные элементы от „центра“,—эта формула охватывает, как нам кажется, чересчур упрощенно всю совокупность тактических задач коммунистов по отношению к центру в настоящее время.

В Польше, напр., под влиянием русской и немецкой революции после многолетнего применения только-что упомянутой формулы достигнуто было объединение коммунистической социал-демократии русской Польши с партией „центра“, левым крылом П. П. С. Длительная идейная борьба и жизненный опыт частью откололи колеблющихся вожаков, частью превратили их в коммунистов; решительное поведение рабочих масс—независимо от того, принадлежали ли они раньше к „центру“, или к левому крылу движения,—обеспечивает вполне коммунистическую политику объединенной партии.

И в Германии Мартовская формула оказывается, повидимому, уже превзойденной: поскольку дело идет о независимой социал-демократии Германии, мы думаем, что нужно не столько отколоть левые элементы от центра, сколько помочь им удалить правых вожаков из центральных и местных организаций партии для того, чтобы слить таким образом оба коммунистических отряда пролетариата в одну коммунистическую партию. Если коммунистическая партия Германии преодолеет в своих рядах анархо-синдикалистские элементы, если она возьмет твердый и политически активный курс, то ей удастся при каждом конкретном политическом действии поставить немецкую независимую социалистическую партию лицом к лицу с вопросом о том, принять ли участие в выступлениях революционных рабочих масс, основанных на несомненной необходимости, или же потерять всякое влияние на собственных сочленов. И тогда

независимые рабочие массы сами вынудят „независимцев" к практическому блоку с германскими коммунистами.

Правые вожаки независимой рабочей партии не смогут покорно переносить это, они будут либо удалены из партии, либо совершенно обезврежены. Однако, как уже замечено, подобное развитие будет возможно только в том случае, если германская коммунистическая партия достаточно ясно осознает свои задачи и сделается оплотом идейной концентрации немецкого рабочего движения.

Если же этого не случится, то и тактика, предложенная учредительным съездом, окажется бесполезной: не она будет раскалывать партии, а сама окажется расколотой и обессиленной.

Мы убеждены, что коммунистическая партия Германии выйдет победительницей из этого периода колебаний и сомнений, что рабочие члены германской независимой социалистической партии будут толкать ее все более влево. Это не избавляет однако от обязанности предостеречь от слишком поспешных союзов, которые станут возможны только тогда, когда обе партии достигнут известной степени сознательности и когда у независимцев повсюду на местах (а не только в центре) будет побеждено правое крыло. А до этой минуты—практический блок с левым, радикальная борьба с правым крылом германской независимой социал-демократической партии.

Во Франции коммунисты не выделились еще из социалистической партии. Нам кажется, что это становится все более затруднительным в виду обострения политического положения, быстрого полевения большинства партии, которая столь мужественно вела избирательную борьбу под знаменем мировой революции и солидарности с Советской Россией. Одновременный рост радикализма пролетарской партии, ее влияние на массы с одной стороны, контр-революционные тенденции буржуазии с другой, создают положение, при котором коммунистам придется совместно с левыми лонгетистами выживать из партии правый центр и остатки правых (в обеих группах теперь больше офицеров, чем солдат) и привлекать к своему знамени революционных синдикалистов.

В Италии удаление центральной группы Туратти и Тревеса из коммунистической партии стало вопросом практической необходимости после того, как они доказали, что они остались в партии только для того, чтобы препятствовать ее коммунистической политике.

В Англии в порядке дня стоит прежде всего объединение всех коммунистических групп в одну целостную коммунистическую партию. Ей предстоит длительная борьба не только против центра, независимой рабочей партии, но и против примыкающей к этому центру полубуржуазной Labour Party.

В Соединенных Штатах Америки наиболее жгучим вопросом после объединения коммунистических элементов из бывшей партии Делеона с таковыми же элементами из большой социал-демократической партии будет вопрос об отношении к синдикалистским элементам I. W. W. Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунисты должны везде, где к тому представится возможность, вступать в блок с революционными элементами синдикализма. Вопрос только в том, может ли пока речь итти о чем-нибудь больше, чем простые попытки соглашения по поводу практических действий. Идейное запустение, в котором находится значительная часть синдикалистских элементов, их враждебность ко всякой не только парламентской, но вообще политической деятельности, их чисто абстрактная анти-государственность, делают необходимым, чтобы синдикалистские массы на практике убедились в том, что коммунизм отнюдь не является новым видом политиканства и что капитализм нельзя свергнуть одними только экономическими мерами. Чем больше даже столь здоровые элементы синдикализма, как, например, Мергейм во Франции, благодаря нелепостям синдикалистской теории, будут скатываться прямехонько в болото оппортунизма, тем больше будет проясняться сознание действительно революционных рабочих масс синдикализма. Задача коммунистов по отношению к ним заключается в настойчивом стремлении объединиться с ними на почве практического действия и разъяснить синдикалистским массам вытекающие отсюда уроки. Коммунистическая партия должна и в отно-

шении синдикалистовъ иметь большую практическую эластичность с теоретической ясностью и принципиальной непримиримостью.

Оценка международных коммунистических сил показывает, что они без сомнения гораздо значительнее, чем сила формальных организаций, примыкающих к коммунистическому Интернационалу партии. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что подавляющее большинство германской независимой социал-демократии, рабочих масс, на которых опирается французская социалистическая партия и массы I. W. W. в Америке несомненно склоняются к коммунизму. Чем больше эти массы в процессе революционного развития уясняют себе смысл своего собственного поведения, чем более соглашательская политика лакейского социализма обнаруживает свое банкротство, чем более выясняется даже для центровых элементов невозможность совместной борьбы с правыми, тем большую притягательную силу приобретает коммунистический Интернационал. Его возникновение отнюдь не было преждевременным. Он означал создание поляризационного центра для всех сознательно-революционных элементов, он уже в значительной степени укрепил революционную международную солидарность масс и показал им правильный путь борьбы. С каждым практическим шагом, который пролетариат всех стран будет делать по дороге революции, коммунистический Интернационал будет все больше укрепляться. Все попытки гальванизировать труп II Интернационала обречены на неудачу. Его становым хребтом является немецкая социал-демократия большинства, партия Носке, — и уже одного этого достаточно для того, чтобы отбить у всех колеблющихся партий центра всякую охоту к сближению с этим „Интернационалом". Попытка же создать нечто среднее между разлагающимся трупом второго Интернационала и зарождающейся жизнью третьего, неминуемо приведет к полному фиаско. У этой попытки нет никакого идейного фундамента. Правые вожаки центра, уверяющие массы, что нужно завязать сношения со старыми революционными элементами и только после соглашения с ними образовать новый Интернационал, завели всю эту болтовню только для того, что-

бы удержать свои массы от вступления в коммунистический Интернационал. Вот уже два года как вожаки независимой германской социал-демократии „завязывают сношения“, напр., с русской рабочей революцией и до сих пор еще они не могут решиться на посылку делегации в геройскую сражающуюся Советскую Россию. Ибо если бы они сделали это, то они не могли бы, принимая ту или иную позицию по отношению к этой первой великой пролетарской революции, фарисейски ссылаться на „плохую информацию“. Но если этим господам и удастся оттянуть на несколько месяцев сближение с коммунистическим Интернационалом, тем сознательнее придут к нему массы—и, надо надеяться, без этих вожаков. Возобновление второго Интернационала уже обнаружило свою невозможность. Коммунистический Интернационал уже стал действительностью. Создание Интернационала центровиков, в котором хромой будет служить поводырем слепому, является попросту причудой банкротов. Коммунистический Интернационал есть единственное воплощение международных тенденций пролетариата, он будет его руководителем.

---

11. Интернационал, действия и его мировая политика.

Мировая революция пролетариата представляет собою длительный и сложный процесс, принимающий самые разнообразные формы и ставящий перед нами все новые вопросы. Мы находимся только в самом начале этого процесса и видим только общие очертания предстоящего пути. Кто рассматривает ответы, даваемые ныне коммунизмом на вопросы, поставленные историей, только как книгу с рецептами, тот даже по отношению к вновь возникающим проблемам не останется беспомощным. Несомненна только общая, основная линия развития мировой революции и коммунизма. Основная тенденция революции заключается в ее развитии к борьбе мирового пролетариата и мирового капитала за власть: от того, какой из обоих классов победит, какой класс приобретет решающее влияние на ре-

организацию мира, установит свою диктатуру, зависит, закончится ли период чрезвычайных страданий, переживаемых ныне человечеством и еще далеко не законченный, организацией его сил в интересах народных масс, огромного большинства человечества—или же в интересах капитала. Если реформисты и колеблющиеся элементы—подобно Каутскому—возбуждают вопрос о том, не имеет ли рабочий класс выбора между методом насилия, который все быстро разрешает, но должен окончиться неудачей, потому что не хочет ждать, пока созреют экономические условия, и медленной, но верной демократической методой, то они глубоко заблуждаются. История, т.-е. развитие классовой борьбы, не оставляет пролетариату никакого выбора. Подобно тому как буржуазия предоставляет пролетариату даже призрачные права демократизма только до тех пор, пока она уверена в незыблемости своего господства, и пролетариат остается на почве демократической подготовительной борьбы только до тех пор, пока это для него возможно: пока нужда не заставляет его приступить к прямой, непосредственной борьбе за изменение условий своего существования. Когда нищета достигает таких размеров, тогда для него не остается выбора—даже в том случае, если бы демократический метод действительно обещал ему победы без особых жертв. Революцию нельзя создать искусственно. Но также мало можно ее отменить и удержать на основании математических выкладок прогрей и убытков. Но все это—только праздные раесуждения: политика имущих классов показывает во всех странах, что она отрезывает массам демократический путь. Рабочий класс вынужден бывает обстоятельствами пробивать себе дорогу с мечом в руках. Реформисты и центровики предостерегают от гражданской войны. Она,—говорят они,—увеличивает нищету. Но эти предостережения бьют мимо цели. Гражданская война несомненно увеличивает нищету, вызванную войной. Но разве ее увеличивает только гражданская война, приходящая снизу? Не увеличивает ли ее и гражданская война, предпринимаемая буржуазией? Неужели пролетариат, скованный теперь в Германии и Америке по рукам и ногам,— чтобы назвать только два этих противо-

положных полюса,—должен в бездействии терпеть все подлости капиталистической диктатуры из боязни перед тяготами борьбы и в надежде на то, что впоследствии, когда спятившие цезари погибающего капитализма устранят угрожающие им опасности и снова укрепят капиталистический строй, они сжалятся над своими рабами, дадут им более легкие цепи и усилят паек? Это было поистине рабской моралью,—которая никогда не являлась моралью международнаго социализма—к чести для него. Интернациональный социализм еще в 1907 г., в Штутгарте, призвал пролетариат к тому, чтобы превратить социальный кризис, который неминуемо будет вызван войной, в социальную революцию. Здание рабства и нищеты поколеблено, пролетариат должен его окончательно разрушить. Но это рассуждение бессмысленно даже с точки зрения раба. Ирония истории в том именно и заключается, что с помощью рабской политики пролетариат ни сегодня, ни завтра не получит ни одного лишнего куска хлеба. Наиболее рассудительные представители капитализма замечают, что на его почве невозможно преодолеть экономическую анархию. Неужели же мы не заметим этого? Выжидательная, робкая политика только увеличивает нищету и затягивает кризис.

Степень капиталистического разложения, размеры нищеты в различных странах различны, и поэтому революционные силы в каждой из этих стран находятся на различных ступенях развития. Это различие невозможно устранить искусственно, с помощью агитации, и тот, кто потребовал бы, например, от швейцарских коммунистов, чтобы они поступили точно так же, как поступают русские, а от американских, чтобы они подражали швейцарцам, показал бы только, что сердце у него работает исправнее, чем мозги. Но возможен ли в таком случае Коммунистический Интернационал? Да, но нужно в каждой фазе революции сознавать предел ее возможностей и самоуверенно не нарушать его. Через несколько лет Коммунистический Интернационал будет, быть может, представлять собою союз целого ряда советских республик, который, будучи поддержан пролетариатом еще капиталистических стран, сделает возможным их освобождение мирным путем,

без ожесточенной борьбы. Но покамест мы еще далеки от этого. Покамест Коммунистический Интернационал представляет собою только единство убеждений. Прежде всего он стремится к тому, чтобы внушить рабочим всех стран правильное понимание общей линии исторического развития. Показывая пролетариату всего мира, что всеобщий решительный бой между пролетариатом и буржуазией уже начался, что завтра или послезавтра и пролетариат пока еще „спокойных" стран будет в него вовлечен, он призывает передовых рабочих всех стран быть готовыми к борьбе. Он борется против реформистских иллюзий массы, разрывает с реформистской политикой, выясняет перед рабочими массами всем направлением своей агитации, всем ходом своей борьбы те задачи, которые ожидают их. Он знакомит сознательных пролетариев с опытом революции в тех странах, где она уже началась, и делает их таким образом способными быстро разобраться в новой революционной ситуации. Рабочие Швейцарии или Швеции, — мы нарочно берем наиболее мирные оазисы капитализма,—без сомнения не испытывают такого гнета, который мог бы их заставить еще сегодня принять участие в борьбе за власть. Было бы поэтому бессмыслицей, если бы коммунисты этих стран сегодня же призвали бы к восстанию, или, считая, что оно разразится завтра, уже сегодня отказались бы от парламентской борьбы. Но они могут использовать парламентскую трибуну для того, чтобы уяснить массам уже наступившее обострение классовых противоречий и побудить их к действию там, где наглядные уроки классовой политики буржуазии подхлестывают недовольство масс, чтобы таким образом выявлять сознание непримиримости противоречий и укреплять боевые организации. Коммунистический Интернационал нигде не собирается подстрекать к революции, и если находятся социалисты, которые верят правительственным басням об эмиссарах Коммунистического Интернационала, то это свидетельствует только о значительной степени оподления. Но Коммунистический Интернационал может ускорить темп развития мировой революции, помогая передовым от-

рядам пролетариата быстрее и лучше определить предпосылки своей победы. Но Коммунистический Интернационал означает не только общность убеждений: он становится с каждым днем все больше общностью действия. Выясняя международному пролетариату предпосылки его победы,—которая будет окончательной только в том случае, если будет интернациональной,—он внушает пролетариату необходимость взаимопомощи. Преодоление реформистски-демократических иллюзий есть вместе с тем и преодоление национальных иллюзий. Рабочий, ожидающий от своей буржуазии уступок, которые смогут обеспечить ему приемлемое существование на почве капитализма, считает себя заинтересованным в том, чтобы поддерживать ее против пролетариата и буржуазии других государств. Пролетарии же, понявшие, что им необходимо сломить собственную буржуазию для того, чтобы овладеть хотя бы малымъ количеством культурных ценностей, смотрят по ту сторону границы, чувствуют себя солидарными в борьбе с пролетариями других стран, потому что сознают, что распространение революции увеличивает шансы пролетариата на победу во всем мире. Задачей Коммунистического Интернационала является не только укрепление интернационального самосознания, но и немедленное же вооружение пролетариата по всему международному фронту, использование его, как активной силы, в интернациональном масштабе. Это значит, другими словами, что задача Коммунистического Интернационала заключается в том, чтобы делать мировую политику.

Это происходит ныне в гораздо бóльших размерах, чем могут понять жалкие и ограниченные люди, видящие в Коммунистическом Интернационале организацию заговоров с тайными эмиссарами и московской лабораторией революционных рецептов.

Коммунистический Интернационал не есть искусственное детище советского правительства, как это, повидимому, полагают Ллойд-Джордж, Клемансо, Шейдеман и Гильфер-

динг. Кто знаком с историей, тот знает, что не только в таких странах, как Германия, Франция, Соединенные Штаты Америки, Англия и Италия, но и в малых государствах в роде Голландии, Швеции, Болгарии он глубоко коренится в истории рабочего движения. Коммунистический Интернационал воплощает все революционные тенденции старого интернационала, поскольку их выявила и укрепила мировая война. Его семена распространяли не только большевики в своей обильной жертвами истории, его подготовляли Дебс, Де-Леон, героические руководители J. W. W. в Америке, радикальные социалисты в Англии, Жюль Гед, Лорио и Монат во Франции, Роза Люксембург, Варский, Тышка в Польше, Иосиф Штрассер в Австрии, Хельглунд в Швеции, Тушович в Сербии, Благоев в Болгарии. Он возник в результате работы осмеянных голландских трибунистов, точно так же как и десятилетней борьбы, которую вели немецкие лево-радикалы. Когда в вопросах империализма и массовой стачки мы, левые радикалы, спорили не только против Давида и Легина, но и против Каутского и Гильфердинга, то мы точно так же подготовляли Коммунистический Интернационал, как сторонники Ленина, когда они боролись в России против меньшевизма. К основоположникам Третьего Интернационала принадлежат не только все те течения, которые в эпоху Второго Интернационала боролись против его реформистских тенденций, даже тогда, когда они не в силах были справиться с этими тенденциями, но он с полным правом об'являет себя в своем манифесте наследником всех революционных движений и предводителей пролетариата от Бабефа до Либкнехта и Люксембург. В освободительной борьбе пролетариата бывали приливы и отливы, заблуждения и ошибки. Мы критически относимся к его прошлому, но не как новаторы, не помнящие родства, а наследники и завершители всего того, за что лучшие представители пролетариата боролись в течение 150 лет. Указывая пролетариям всего мира на свое интернациональное прошлое,—этот залог его интернационального будущего, Коммунистический Интернационал вме-

сте с тем гордится тем, что его колыбель стоит в Москве, столице советской России, и приветствует в вождях советской России, Ленине и Троцком, руководителей мировой революции. Россия, бывшая в течение двадцати лет ареной революционной борьбы, страна первой пролетарской революции, должна была сделаться родиной Коммунистического Интернационала. И пока никакая другая, более развитая капиталистическая страна не последует за нею по пути пролетарской революции, до тех пор героическая советская Россия останется центром Коммунистического Интернационала, ибо она является сердцем всемирной революции.

Она им является не только благодаря своей пропаганде, своим манифестам. Она—сердце мировой революции вследствие своей героической борьбы, несмотря на голод и нищету. Самое существование ее, тот факт, что она не дает повалить себя, подстрекает энергию пролетариата всего мира к деятельности и борьбе. Пробуждая в пролетарских массах чувство солидарности с собою, советская Россия укрепляет в них волю ко все более энергичной самозащите и содействует росту Интернационала действия. Французские рабочие, которым капиталистическая пресса изображала большевиков, как агентов немецкого империализма, выходят на улицу и проводят выборы под лозунгом: да здравствует Советская Россия! Все протесты Германии против неслыханной политики измора и разрушения, применяемой к ней союзниками, оставляют массы равнодушными и только побуждают вожаков социалистических партий к газетным статьям и парламентским заявлениям. Но горе и радости советской России являются вместе с тем горем и радостями сознательных рабочих Франции. Полулиберальные рабочие Англии встают на защиту советской России. Такая газета, как „Daily Herald“, руководимая умеренными социалистами, обязана своим все растущим тиражем энергичной кампании в пользу советской России. Итальянские рабочие вступают в избирательную борьбу с государственным гербом советской республики, как своим боевым знаком. Рабочие всего мира, как бы ни хромала их сознательность, инстинктивно чувствуют, что там, в России, кипит первый великий бой за окончательное освобождение пролетариата всего ми-

ра. Пусть нас не понимают превратно. Мы не преувеличиваем размеров той энергии, с которою мировой пролетариат уже теперь защищает первую социалистическую республику. Если бы ее сыны сами не прикрывали ее своими телами, то помощь, которую ей до сего времени оказывал европейский пролетариат, не спасла бы ей жизни. Таков бесспорный факт: пролетариат не может защищать русскую революцию более энергично, чем как он, к сожалению, защищал до сих пор собственные интересы. Хорошо уже то, что он признает себя непосредственно заинтересованным в ее существовании и в этом смысле защищает ее. Здесь лежит начало Интернационала действия. Задача Коммунистическаго Интернационала заключается в том, чтобы беспрерывно выяснять рабочим, что только повышением своей массовой сплоченности, революционированием своих действий они могут чего-нибудь добиться. В то же время необходимо показать им, что в своих собственных самых кровных интересах они ни перед чем не должны отступать для того, чтобы принудить капиталистические государства к заключению мира с советской Россией, к снятию блокады. Пролетариату всего мира надо прежде всего показать, что дело тут идет о большем, чем защита первого пролетарского государства или понимание того, что победа контр-революции в России необыкновенно укрепит самоуверенность европейской реакции. Необходимо показать пролетариату всего мира, что сохранение и укрепление, свободное развитие советской России является предпосылкой победы европейского пролетариата и что поэтому его мировая политика должна быть направлена к тому, чтобы воздвигнуть вокруг советской России революционный вал.

Все капиталистические страны Европы в высокой степени зависят от подвоза заокеанского сырья и жизненных припасов. Революция в какой-нибудь европейской стране в роде Германии, Франции или Италии будет с первой же минуты своего рождения находиться в сильнейшей зависимости от того обстоятельства, что Англия и Соединенные Штаты Северной Америки смогут лишить ее подвоза жизненных припасов. Правда, это не сможет продолжаться дол-

го, потому что фермеры Южной и Северной Америки должны продавать свои товары. Если возникшие в Европе пролетарские государства все-таки сумеют продержаться некоторое время, то остальные капиталистические государства вынуждены будут вступить с ними в торговые сношения. Период пролетарской мировой революции увидит совместное существование пролетарских и капиталистических государств,—подобно тому, как в период буржуазной революции рядом существовали феодальные и буржуазные государства. В интересах мировой революции, чтобы эти сношения носили мирный характер. Коммунизм нельзя навязать извне, с оружием в руках, странам, которые не пришли к нему процессом внутреннего развития. Пролетариат живейшим образом заинтересован в том, чтобы непосредственно после победы повсюду приступить к работе и повысить производительность труда, дабы положить конец ужасающей нищете. Оружие является для нас только средством самозащиты.

Вновь возникающим пролетарским государствам тем менее придется прибегать к оружию, чем более сильной будет советская Россия. Если советская Россия будет существовать и если она сможет использовать в мирном строительстве свои природные ресурсы, то она, в качестве поставщика сырья и жизненных припасов, сломит капиталистическую монополию на мировом рынке и заставит повелителей морских путей искать какого-нибудь „модуса вивенди“ с молодыми социалистическими государствами. В том же направлении будет действовать и Красная армия. До тех пор, пока в Англии не победила пролетарская революция, защита советской России равнозначаща с защитой главнейшего условия победы революции на Европейском континенте.

Уяснив себе все значение спасения советской России, Коммунистический Интернационал должен сделать борьбу за советскую Россию краеугольным камнем своей мировой политики. Нет жертвы, которая не оправдывалась бы этой целью. Бессмысленно стремить-

ся к завоеванию власти, пока нет надежды на то, что ее удастся удержать. Вот почему советской России была бы оказана очень плохая,—поистине медвежья!—услуга, если бы коммунисты других стран пытались пробиться к власти путем вспышкопускательства. Но стремиться к осуществлению достижимых целей всеми доступными средствами есть революционная политика. Тот же самый пролетариат, который слишком слаб для того, чтобы вооруженной рукой завоевать власть, и поэтому не имеет до поры до времени права ставить себе такую цель, может в то же время даже частичными массовыми забастовками и восстаниями заставить свое правительство отказаться от войны с советской Россией. Высшей международной обязанностью пролетариата является в настоящее время применение всех средств массового действия для того, чтобы добиться для советской России мира. Если это удастся, то будет уже легче помочь каждому следующему пролетарскому государству. Если бы английские рабочие помешали тому, что Англия и Америка снабжали зимой 1918 г. Колчака оружием и деньгами в больших размерах, то советская Россия была бы в состоянии отправить свою красную армию против румынских бояр, когда они душили советскую Венгрию. Укрепление советской России, развитие советской Венгрии дали бы австро-немецкому пролетариату возможность, что называется, играючи, захватить власть в свои руки: его останавливали только заботы о хлебе. Победа социализма в немецкой Австрии проложила бы мост между Россией и будущей итальянской революцией, открыла бы перед итальянцами виды на доставку зерна с востока, угрожала бы английскому пути в Индию и заставила бы таким образом Англию отказаться от блокады Италии. Если бы немецкие независимцы в ноябре 1918 г., когда они заседали в правительстве, помешали снабжению оружием латышских и литовских контр-революционеров, если бы они добились возобновления дипломатических сношений с советской Россией, то тысячи квалифицированных немецких рабочих смогли бы содействовать улучшению русского транспорта, что в свою очередь ускорило бы победу над контр-революцией. Русские фабрики имели бы уголь из Донецкого бассейна

керосин из Баку, хлопок из Туркестана, что дало бы возможность производить товары, за которые украинский крестьянин дал бы русскому и средне-европейскому рабочему хлеба. Срединная Европа стала бы вторым центром мировой революции. Это не означало бы начала новой мировой войны, как утверждают английские империалисты, но это означало бы, что грехи немецкого империализма по отношению к французскому и бельгийскому народам были бы заглажены с помощью нашей единодушной братской поддержки. Это означало бы, что помощь северной Франции и Бельгии можно было бы осуществить таким образом, чтобы не обрекать при этом немецкого рабочего на голодание,—что, кстати сказать, вовсе не способствует скорейшему восстановлению зданий и рудников Франции. Победа революции в срединной Европе принесла бы мир Франции, положила бы конец ненависти, заложила бы тем самым фундамент для победы над французской реакцией. Одно к одному: как в деле революции, так и в деле контр-революции. Колебание независимцев осенью 1918 г. стоило многие тысячи жертв русскому, как и немецкому, пролетариату и не на один год отдалило окончательную победу.

Ясное убеждение, железная решительность, твердое сознание того, что теперь нет и не может быть отдельных национальных пролетарских интересов, а есть только один, общий, международный пролетарский интерес: вот основной догмат коммунистического Интернационала. Каждый шаг мировой революции вперед, яснее открывающий перед нами дорогу, каждая разбитая иллюзия усиливают нашу решимость. Каждая победа,—где бы она ни была достигнута,-укрепляет веру во всемирную революцию в отсталых странах, в которых пролетариат потерпел временное поражение, каждая победа укрепляет коммунистический Интернационал. Его рост есть одновременно рост мировой революции, точно также, как рост и укрепление мировой революции все больше ускоряет развитие коммунистического Интернационала, как могущественного орудия пролетариата. Впервые за всю историю рабочего движения, оно перестало быть простой демонстрацией, простым изъявлением симпатии, впервые

его развивающаяся мощь облеклась в плоть и кровь, стала делом освобождения интернационального пролетариата, которое в свою очередь является только прологом к освобождению всего человечества. По мере того, как советская республика внедряется в государственную систему умирающего капитализма, она подходит к тому моменту, когда ее окружат пробуждающиеся колониальные народы Азии. Москва представляет собою Мекку не только для европейских рабочих. В Москву спешат и представители просыпающихся народов Китая и Кореи, Персии и Индии. Пусть филистеры от социализма усмехаются, утверждая, что социализм еще невозможен в этих странах, победоносный европейский социализм все таки сможет помочь этим народам освободиться от капиталистических эксплоататоров Европы, окажет им бескорыстную культурную поддержку в деле дальнейшего развития. Он сможет укрепить сопротивление этих стран по отношению к возникающим в них капиталистическим тенденциям, угрожающим, по мере своего усиления, и опираясь на миллионные массы Азии, новым рабством народам Европы.

Мы находимся в начале великих исторических переворотов, громадного переселения народов, полного изменения в состоянии мирового соотношения сил. Чем решительнее европейский пролетариат возьмет свои судьбы в свои собственные руки, тем скорее он упорядочит тот хаос, в который капитализм поверг весь мир. „Мыслите континентами“, внушал Джоэ Чемберлен английским империалистам. „Мыслите континентами и тысячелетиями!“ обращается Коммунистический Интернационал к пролетариату всего мира.

Возникнув из крови и пота мировой войны, он охватывает своим умом и сердцем весь страдающий и кровоточащий мир,—и он примет его в свои железные объятья, перевяжет его раны и поставит его, наконец, твердо на ноги для того, чтобы он мог работать, дышать и развиваться, как подобает свободному человечеству, гордо подымающему свой взор к звездам.

Цена 27 руб.
1 р. 50 к

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.